БИБЛИОТЕКА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Э. Распе

ПУТЕШЕСТВИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

Annotation

Кто не знает знаменитого путешественника барона Мюнхгаузена? Кого не увлекал он своими рассказами в тот сказочный мир, где на каждом шагу совершаются самые невероятные приключения?

Но оказывается, герой этих исключительных историй барон Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен жил на самом деле и принадлежал к старинному немецкому дворянскому роду. Он был военным, служил в русской армии, а вернувшись на родину, прославился как хитроумный рассказчик.

Неизвестно, сам ли он записывал свои рассказы или кто-то другой, но немецкий писатель Э.Распе обработал и издал их. Слава знаменитого барона стала так велика, что многие начали пересказывать его истории на свой лад, но автором книги принято считать Э.Распе.

Настоящая книга включает те истории, которые барон сам рассказывал в дружеском кругу.

- Э. Распе
  - Первый вечер
  - Второй вечер
  - Третий вечер
  - Четвертый вечер
  - Пятый вечер
  - Шестой вечер
  - Седьмой вечер
  - Восьмой вечер
  - Девятый вечер
  - Десятый вечер
  - Одиннадцатый вечер
  - Двенадцатый вечер
  - Тринадцатый вечер
  - Четырнадцатый вечер
  - Пятнадцатый вечер
  - Шестнадцатый вечер

- Семнадцатый вечер
- Восемнадцатый вечер
- Девятнадцатый вечер
- Двадцатый вечер
- Двадцать первый вечер
- Двадцать второй вечер
- Двадцать третий вечер

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

Путешествия барона Мюнхгаузена

Э. Распе
Путешествия барона Мюнхгаузена

Первый вечер

Барон Мюнхгаузен рассказывает, как он с лошадью увяз в болоте и вытащил себя самого и лошадь за собственную косу; как он воспользовался своим глазом в качестве ружейного кремня, убил шомполом семь куропаток зараз, плетью выхлестал лисицу из ее шкуры, и как кабан пробил клыками деревцо.

— Господа, друзья и товарищи! — так начинал всегда свои рассказы барон Мюнхгаузен, потирая по привычке руки. Затем он брал старинную рюмку, наполненную его любимым напитком — настоящим рауэнтальским вином, задумчиво приглядывался к зеленовато-желтой жидкости, со вздохом ставил бокал на стол, осматриваясь по сторонам испытующим взором, и продолжал, улыбаясь:

— Вот опять мне приходится рассказывать о прошлом!.. Да, в то время я был еще бодр и молод, отважен и полон кипучих сил! Вот вам пример.

В один прекрасный вечер я возвращался домой с охоты, затянувшейся на несколько часов. Солнце уже клонилось к закату, я утомился и начал дремать в седле. Конечно, я не обращал внимания на дорогу и проснулся или, точнее, очнулся от дремоты только тогда, когда мой Аякс вдруг замер перед довольно широкой заболоченной канавой. Осмотревшись, я увидел, что дорога тут кончается, но по ту сторону болота появляется снова. Я припомнил, что несколько недель назад, как мне говорили, страшным ливнем здесь снесло мост. Я крайне сожалел, что не отдал еще приказания построить новый, желая предварительно сам осмотреть место. Вот теперь и представился случай…

Но как же я попаду домой?.. Вернуться? Поскакать назад и поискать другой дороги? Ни за что!.. Недолго думая, я подбодрил лошадь и дал ей шпоры… Бравый Аякс взвился на дыбы, и в ту же секунду мы взмыли в воздух. Но тут мой мозг пронзила мысль, что Аякс, также чрезвычайно утомленный на охоте (мы затравили и взяли тогда двадцать пять или тридцать зайцев, — под конец я уже и считать-то их бросил), едва ли будет в состоянии допрыгнуть до другого берега. Быстро оценив ситуацию, я повернул в воздухе лошадь, и мы опустились на то самое место, откуда она сделала прыжок.

Ладно, господа!.. Я потрепал коня по шее, потом отъехал немного назад, чтобы ему было где разбежаться, и снова помчался к канаве… На первый взгляд болото показалось мне не больше шагов двадцати, а когда я убедился, что в действительности оно шире еще на полудюжину шагов, то снова пришпорил коня. Аякс сделал новое усилие и ринулся дальше, — но напрасно!.. Мы не дотянулись до другого берега и оба, лошадь и всадник, шлепнулись в мягкую тину болота. Полужидкая масса, в которой мы безнадежно увязли, покрыла круп лошади, и над водой оставались только половина моего туловища да голова Аякса…

Да, друзья мои, помощь нужна была немедленно!..

Я крепко сжал ногами благородное животное, схватился свободной правой рукой за собственную косу и — благополучно вытащил себя вместе с лошадью из трясины на берег. Затем мы легкой рысцой продолжали путь домой. Теперь вы не будете уже сомневаться в моей тогдашней силе и крепости!

— А собаки и ваша добыча, барон? — напомнили ему слушатели.

— Прежде чем мы свернули на самый короткий путь, я отправил их домой по обыкновенной проезжей дороге. А когда они вернулись через час после меня, конюх принес двадцать девять зайцев, — следовательно, я не ошибся в подсчете, даже если он и припрятал одного длинноухого для себя.

Вообще, господа, как способности и гений коменданта осажденной крепости обнаруживаются во всем своем блеске, когда враг уже овладел передовыми укреплениями и подошел к главному валу, так и настоящий охотник может выказать сообразительность, когда он очутится на охоте без обычных снарядов, — например, когда у него остался только порох, но он уже израсходовал весь запас пуль и дроби, как это зачастую случалось со мной после удачной охоты…

То, что я сейчас расскажу вам, будет не совсем кстати, но покажет вам, как важно не растеряться при любых обстоятельствах.

Однажды утром я увидел через окно моей спальни, что на большой пруд, находящийся совсем близко от моего замка, опустилась стая диких уток.

Вы поймете, что я от радости едва успел кое-как одеться, второпях схватил ружье и патронташ и стремглав сбежал с лестницы; при этом я нечаянно так сильно ударился лбом о поддерживавшую лестницу колонну, что у меня из глаз посыпались искры. Однако это не остановило меня ни на секунду. Я неудержимо мчался вперед и под прикрытием кустов и тростника прокрался к самому берегу пруда. И только здесь я вдруг обнаружил, что потерял кремень. Что делать? Вот я стою в двух шагах от цели и мог бы стрелять наверняка… Только в замке не было кремня.

Я тотчас же решился использовать недавний опыт с собственным глазом.

Я прижал ружье к щеке и что было сил стукнул себя кулаком в глаз. Как я ждал и надеялся, так и случилось: от такого удара опять посыпались искры и подожгли порох. Раздался выстрел, положивший сразу пять пар уток, четыре казарки и пару водяных курочек.

Да, да! Присутствие духа — вот что нужно для доблестных подвигов; на войне, как в море и на охоте, оно является залогом неожиданного успеха…

В другой раз я вышел попробовать новое ружье и уже издержал взятый с собой небольшой запас дроби, когда собака, обыскивая поле, подняла выводок куропаток… Я видел, как они опустились невдалеке на землю, и у меня тотчас же загорелось желание принести домой на ужин несколько этих птичек. Но мой патронташ был пуст… Как быть?.. Тут, господа, мне пришла в голову гениальная мысль. Я торопливо зарядил ружье порохом и сверх пыжа вставил шомпол, заострив один конец его, как карандаш.

— Ну, ищи, Финесс, ищи!

Несколько минут прошли в ожидании. Собака сделала ошибку… Куропатки бежали впереди нее в картофельной ботве до самого конца поля. Здесь собака остановилась.

Я быстро подошел ближе, держа ружье наготове… Вдруг раздалось: «Фр-р-р!..» — и вся стая взвилась на воздух… Я тотчас же приложился, прицелился. «Паф!» — мой шомпол пронзил семь штук и рухнул невдалеке вместе с ними. Я поднял его — и принес домой все семь куропаток, словно насаженных на вертел…

Как видите, нужно лишь вовремя пораскинуть мозгами…

Впрочем, господа, друзья и товарищи, шомпол не всегда можно пустить в дело. Надо пользоваться тем, что находится под рукой. Так, однажды в Лифляндии шел я по лесу с ружьем через плечо, держа в руке большой гвоздь, который я хотел вбить в охотничьем шалаше, как вдруг мне попалась навстречу великолепная черно-бурая лисица. Было бы страшно жаль испортить ее драгоценный мех пулей. Лиса Патрикеевна стояла недвижно у громадного дуба, повернув голову вбок и обнюхивая воздух. И тут меня осенило. Я спрятался за дерево, вынул из дула пулю и вместо нее зарядил ружье гвоздем. Затем я приложился, тщательно прицелился, — грянул выстрел, и лисица, как я и рассчитывал, осталась невредимой, хотя и не могла тронуться с места, потому что я крепко прибил гвоздем к дереву ее хвост.

Тут я спокойно подошел к ней, схватил плеть и принялся так ловко нахлестывать ее, что она выскочила из своей роскошной шкуры и убежала без верхней одежды. Умирая со смеху, я даже не догадался послать вдогонку ей пулю. Отросла ли у нее новая шкура? Замерзла ли она в зимнюю стужу или была растерзана своими же сородичами?..

Вы смеетесь! Но подумайте, какая удача, что у меня как раз в тот момент оказался в руке гвоздь!..

Несколько дней спустя я возвращался домой с охоты без всяких снарядов, расстреляв весь порох, — как вдруг на меня бросился рассвирепевший кабан… Всем известно, чем может обернуться такая встреча! Поэтому никто не осудит меня за то, что я нашел убежище на первом попавшемся дереве. Это была довольно тонкая березка, едва выдерживавшая мой вес. Кабан ринулся на дерево, но опоздал на мгновенье, потому что, едва я успел подобрать ноги, он изо всей силы ударил клыками в ствол, да с такой яростью, что острия клыков пробили березу насквозь и торчали из нее с другой стороны на целый дюйм. Недолго думая, я спрыгнул на землю, отыскал булыжник величиной с кулак и заклепал концы клыков. Спокойно отправился я домой и на следующее утро вернулся к дереву с людьми, захватив с

собой телегу и заряженное ружье. Я, разумеется, не расспрашивал, как провел ночь бедный пленник, и вогнал ему пулю в его кровожадный глаз.

Что это был за экземпляр, вы можете судить по тому, что — как мне сообщил управляющий — весил зверь больше пятнадцати пудов. Чересчур много для кабана!..

Вы, господа, может быть, удивляетесь, что мне удалось загнуть и заклепать клыки, словно это были железные гвозди; сейчас же объясню, как я мог это сделать: я до тех пор бил булыжником концы клыков, пробивших дерево, пока хрупкое костное вещество зубов не сделалось совсем каленым и мягким, так что их можно было с легкостью загнуть и заклепать в настоящем смысле этого слова.

Ну, господа, на сегодня довольно. На следующий вечер я обещаю вам несколько особенно замечательных охотничьих рассказов.

Второй вечер

Мюнхгаузен стреляет в оленя вишневыми косточками. Воздушное путешествие на тринадцати нанизанных утках. Мюнхгаузен делает промах по дикому поросенку и уводит домой слепую дикую свинью, взрывает двумя ружейными кремнями медведя и встречается в Варшаве с генералом Скрбуданским, знаменитым своей серебряной пластинкой в черепе. История о восьмилапом зайце.

— Вы, господа, конечно, слышали о святом Губерте, покровителе охотников, а также о великолепном олене со святым крестом между рогами, который некогда встретился ему в лесу. Третьего ноября, в день святого Губерта, я ежегодно приносил в веселом обществе жертву этому святому и наверное с тысячу раз видел этого оленя как на картинах в церквях, так и на звездах кавалеров ордена святого Губерта, так что теперь, по чести и совести доброго охотника, я сам не знаю, были ли такие олени с крестами только в давние времена или попадаются и в наши дни.

Но послушайте, какая история с другим чудесным оленем приключилась у меня самого.

Я израсходовал однажды все мои пули, как мне вдруг попался навстречу великолепный олень, смотревший на меня так спокойно, словно знал, что мой патронташ пуст…

«Ну, подожди, ты свое получишь!» — подумал я, поспешно зарядил ружье порохом, а сверху насыпал несколько вишневых косточек: я только что съел пригоршню вишен… Олень глядел на меня с самой язвительной усмешкой, и — «Бум!» — я влепил ему полный заряд в лоб, между рогами… Он пару раз тряхнул головой, поклонился, не спеша развернулся и, не теряя достоинства, удалился в глубь леса. Жаль, что у меня не было под рукой картечи!

Дома надо мной сильно смеялись, и когда мы ели вишни, кто-нибудь из насмешников нет-нет да и предлагал собирать мне косточки для следующей охоты на оленей.

Со временем эта шутка стала наскучивать. Но год или два спустя, когда мы охотились в той же местности, прямо на меня вышел

необыкновенно крупный олень с вишневым деревцем между рогами, имевшим в высоту около десяти футов. Разумеется, я тотчас же припомнил свой выстрел вишневыми косточками. Этому чудному животному, очевидно, и впрямь было предназначено стать моей добычей. Поэтому я тотчас же послал ему пулю в середину лопатки и, когда олень упал, я сразу получил жаркое и компот, потому что дерево было полно прекрасных спелых вишен.

Да, чего только не бывает!.. Что вы скажете, например, о следующем замечательном случае?

Известно, что на сало ловят мышей. Я же однажды поймал на сало тринадцать уток, и вот как это произошло.

Однажды утром, собираясь выйти побродить с ружьем, я заметил, что шнур, на котором висела моя пороховница, кое-где стал слишком тонок и почти истерся; вешая ее через плечо, я еще подумал: «Любопытно, долго ли послужит эта веревка?» К вечеру я шел мимо небольшого озерка, на котором плавало довольно далеко друг от друга около дюжины уток, так что я никоим образом не мог бы убить одним выстрелом более одной птицы, а между тем мне хотелось бы взять их всех, потому что я пригласил к себе на следующий день гостей… Да ведь и вы же были в тот вечер, лесничий!.. Я схватился за пороховницу… и правда, она исчезла!.. Когда я пробирался через живую изгородь из молодых сосен, шнур, по всей видимости, зацепился за ветку и оборвался, а я ничего не заметил.

Вообще, это был неудачный день. Рано утром мне перешла дорогу старая ведьма, рыжая Катерина, и за целый день мне не пришлось сделать ни одного выстрела…

А теперь у меня оставался в ружье всего один заряд, и больше — ни пылинки пороху!.. Но что ж я буду делать с одной уткой?..

После этих горестных размышлений я вспомнил, что у меня в кармане лежит кусочек свиного сала — остаток взятой из дому закуски. Я рассучил довольно длинную веревку, служившую привязью для собаки, и привязал к ней кусок сала. Забросив приманку, я спрятался в прибрежных камышах. Вскоре я с удовольствием заметил, как ближайшая утка подплыла к ней и проглотила сало, привязанное к веревке, но не прошло и минуты, как скользкий кусок сала вышел из нее совершенно не переваренным, и его недолго думая проглотила вторая утка. А так как с каждой из них повторялась та же история, то в

скором времени все тринадцать уток оказались нанизанными на веревку.

Очень обрадованный такой удачей, я обвил веревку с птицами вокруг пояса и отправился домой. Я шел и радовался столь редкой удаче, как вдруг почувствовал, что отрываюсь от земли. Представьте себе: утки, оправившись от первого испуга, замахали крыльями и подняли меня на воздух. Сначала это меня несколько ошеломило, но вскоре я опять овладел собой и стал грести полами кафтана прямо по направлению к моему дому. А когда мы пролетали над дымовой трубой, я, быстро оценив положение и свертывая уткам, одной за другой, головы, стал медленно снижаться, пока, наконец, не спустился, цел и невредим, не совсем обычной дорогой через трубу в кухонный очаг, — к величайшему изумлению повара, который собирался развести огонь, чтобы приготовить ужин.

Мой верный спутник на той охоте, легаш Пикас, смотрел, потряхивая головой, как его господин проник в дом столь странным образом, и предпочел обнаружить свое присутствие у дверей дома лаем и царапаньем… Да, да, милейшие господа, на сало ловятся мыши и — утки! Конечно, для всех таких вещей нужна большая удача! Но удача и везение иногда даже ошибку делают счастливой!

Так, например, однажды я увидел в густом лесу диких поросенка и свинью, трусивших друг за другом. Я тотчас стал целиться то в мать, то в детеныша. Наконец я выстрелил, но поросенок продолжал бежать. Свинья же остановилась как вкопанная. Что такое?.. Оказалось, что старая свинья была слепа. Она держалась зубами за кончик хвоста своего поросенка, и моя пуля как раз и перебила этот тонкий хвостик, — вот почему поросенок умчался, а его слепая мать, лишась поводыря, остановилась… Само собой разумеется, я ухватился за кусочек хвоста, торчавшего в зубах у свиньи, и привел ее к себе домой. Вам едва ли представится случай проделать такую штуку!..

Вряд ли вам также удавалось применить такой фокус, благодаря которому я отделался от медведя, попавшегося мне как-то в одном польском лесу, когда день клонился к сумеркам и у меня вышел весь порох… Зверь шел на меня, вытянув лапы и разинув пасть, и пока я впопыхах соображал, что он хочет со мной сделать — задушить в своих объятиях или свернуть мне голову, — я обшарил все карманы в поисках пороха и пуль. Однако я нашел там лишь пару кремней, которые я на всякий случай всегда ношу при себе с тех пор, как у меня однажды выпал из замка кремень.

Медведь все приближался, и, почувствовав уже его горячее дыхание, я со всей силы бросил ему один из кремней в открытую пасть. Это, конечно, не понравилось Мишке Топтыгину, и он развернулся с весьма недовольным ворчаньем. Случилось это так быстро, что второго кремня я уже не успел бросить ему в пасть… Зато он соблазнительно показал мне свою заднюю часть… Я тут же прицелился, размахнулся и бросил в него второй кремень. Спустя две-три секунды оба камня встретились во внутренностях медведя, ударились друг о друга с такой силой, что произошел взрыв, и мой медведь был разорван буквально на куски… Я перевел дух, избавившись от некоторой тревоги, и твердо решил — если когда-нибудь мне придется снова попасть в Польшу, где медведей так же много, как у нас майских жуков зимой, — никогда больше не выходить из дому без оружия.

Во время той же поездки я познакомился в Варшаве с одним старым генералом, имя которого вы, наверное, часто слыхали… Его звали Скрбуданский, и во время войны с турками осколком картечи ему снесло часть черепа; с тех пор у него часть головы прикрывает

серебряная пластинка, которая была сделана на шарнирах, чтобы ее можно было открывать. Мы ежедневно встречались с этим генералом в винной лавке, где шел страшный кутеж.

И вот как-то раз я заметил, что тогда как у всех нас лица становились багровыми, потому что венгерское вино ударяло нам в голову, старый генерал лишь время от времени проводил рукой по волосам и затем тотчас же становился снова бледным и трезвым… Остальные не видели в этом ничего особенного и объяснили мне, что генерал иногда открывает серебряную пластинку и выпускает винные пары… Чтобы убедиться, верно ли это, я как будто невзначай встал около генерала с зажженной бумажкой, но вместо того, чтобы раскурить от нее трубку, поднес ее к спиртным парам, выделявшимся из его головы, — и вдруг они вспыхнули характерным синеватым пламенем, а генерал, заметивший мою уловку, продолжал, улыбаясь, сидеть, как святой угодник с осветившим его, словно нимб, сиянием над головой!.. Мне до такой степени понравилось это приспособление, что я вступил в переговоры с одним искусным золотых дел мастером, нельзя ли и мне устроить такой прибор для сохранения трезвости. Он согласился, но объяснил, что мне предварительно необходимо произвести трепанацию черепа или подождать до следующей войны, чтобы у меня также снесло часть черепной коробки… Первого я не сделал, а второго тщетно жду до сей поры, и поэтому у меня, к сожалению, все еще нет клапана, который здесь, впрочем, не так и нужен, как там, на севере, где люди обыкновенно «согреваются» сильнее…

Недавно вы спрашивали, кого я ценил больше — Финесса или Пикаса.

И та, и другая собака были великолепны, каждая в своем роде, — у Финесса, быть может, было лучше чутье, зато Пикас был выносливее. Вот послушайте!

Вскоре после моей женитьбы, жена моя однажды утром пожелала поехать на охоту вместе со мной. Поэтому я поскакал вперед, чтобы разыскать какую-нибудь дичь, и вскоре Пикас уже делал стойку перед стаей в несколько сот куропаток. Я долго поджидал жену, которая должна была уже догнать меня вместе с моим управляющим и стремянным. Наконец я начал беспокоиться и повернул назад, но приблизительно на полдороге услыхал жалобный плач и стоны,

которые, как мне казалось, раздавались совсем близко, хотя вокруг никого не было видно. Я, разумеется, слез с коня, приложил ухо к земле и тут услышал, что стоны доносятся из-под земли, и мог даже ясно различить голоса моей жены, управляющего и стремянного. Но как они могли попасть туда? Очевидно, они провалились в отверстие заброшенной каменноугольной шахты, а эта последняя, как мне было известно, имела в глубину около девяноста саженей.

Я во весь опор поскакал в соседнюю деревню, чтобы привести рудокопов, и после тяжелой работы мы вытащили несчастных на свет Божий. Сперва мы извлекли стремянного, затем — его лошадь, потом — управляющего и его кобылу и, наконец, мою жену и ее турецкого иноходца. Самым удивительным во всей этой истории оказалось то, что все шестеро остались совершенно невредимыми после падения с высоты пятьсот-шестьсот футов, не считая нескольких легких ушибов. Да, друзья мои, прекрасно, когда ваш ангел-хранитель всегда рядом!

Само собой разумеется, ни о какой охоте в тот день нечего было думать, и хорошо, что мы тотчас же вернулись домой, так как меня уже ждал курьер с приказом немедленно выехать в служебную поездку.

Об этом в высшей степени интересном поручении, которое привело меня в крепость Везель, я расскажу вам в другой раз. Упомяну только, что по пути мне пришло в голову: где же Пикас, мой легавый пес?.. На четырнадцатый день я вернулся домой, и первый мой вопрос был о собаке… Но ее никто не видел, и все думали, что Пикас сопровождал меня в поездке…

У меня тотчас же мелькнула мысль: «Неужели бедняга все еще держит стойку над куропатками?!»

Надежда и тревога тотчас же потянули меня туда прямо в дорожном костюме, — и представьте себе! — к моей несказанной радости, верный Пикас стоял на том же месте, где я оставил его четырнадцать дней назад.

— Вперед, мой песик! — воскликнул я; он тотчас бросился вперед, куропатки взвились в воздух, и я одним выстрелом положил двадцать пять штук!.. Я не думаю, чтобы кому-нибудь из вас привелось пережить нечто подобное этому!..

Добросовестный Пикас до того изголодался и отощал, что едва смог подползти ко мне и лизнуть мою руку. Я взял его к себе в седло и таким образом привез домой, где он скоро оправился благодаря

хорошему уходу, а несколько недель спустя помог мне разрешить загадку, которая иначе навеки осталась бы неразрешимой…

Я, видите ли, целых два дня гнался за одним зайцем. Пикас много раз настигал его, но я никак не мог приблизиться к нему на расстояние выстрела.

Я никогда не верил в колдовство — мне доводилось видеть слишком необыкновенные вещи, однако в данном случае моя рассудительность заводила меня в тупик.

Наконец заяц очутился настолько близко от меня, что я смог достать его пулей. Разумеется, я едва нашел время снова зарядить ружье и тут же соскочил с коня. И что же, вы думаете, я увидел?!

У этого зайца было, как у всех других, четыре лапы под туловищем и, кроме того, еще четыре — на спине!

Тут раскрылась загадка его необычайно быстрого бега: когда заяц отбивал себе обе нижние пары лап, он переворачивался, как хороший пловец, умеющий плавать на груди и на спине, и с новой силой мчался дальше на других запасных четырех лапах. Признаюсь по чести: я сомневаюсь, чтобы вы когда-нибудь видели такого феноменального зайца. Мне и самому больше не попадался ни один экземпляр такого рода…

Третий вечер

Борзая Зефиретта и зайчиха. Превращение Зефиретты в таксу. Мюнхгаузен привязывает свою лошадь к шпилю колокольни, совершенно занесенной снегом. Дрессировка лошади на чайном столе у графа Пшобовского в Литве.

— Так как при нашем последнем свидании я упомянул уже о двух на редкость превосходных собаках, то я хотел бы рассказать и еще об одном не менее достойном экземпляре. Почти так же замечательна, как легавая Пикас, о котором я недавно говорил вам, была борзая Зефиретта, в течение многих лет служившая мне на охоте. Однажды я выехал из дому и, правду сказать, не хотел брать ее с собой, потому что она должна была вот-вот ощениться и уже не могла бежать так быстро, как обычно… В скором времени перед нами выскочил толстый, как бочонок, заяц. Зефиретта бросилась за ним, а я подумал про себя; «Ладно, беги, беги! Скоро вы оба выбьетесь из сил!» — и не спеша поехал по их следу, но затем потерял из виду обоих животных. Вдруг я услышал тявканье как будто целой своры собак, но такое слабое и нежное, что пришел в недоумение. Я поскакал быстрее и, подъехав ближе, увидел совершенно невероятное чудо. Представьте себе, заячий аист принес зайчихе пятерых зайчат, и в то же время Зефиретта получила в подарок от собачьего аиста столько же щенков — их-то тявканье я и услышал. Охота началась с одной собакой на одного зайца, а вернулся я домой с шестью собаками и шестью затравленными зайцами… Моя жена и все домашние со смеху надорвали себе животики…

Проворная Зефиретта так неутомимо бегала у меня на службе, что в конце концов стерла себе лапы, и они стали у нее такие короткие, что в последние годы ее жизни она более походила на таксу, чем на борзую. Ходили слухи, будто Зефиретта под старость ослепла, и потому я стал привязывать к ее хвосту фонарь; но это, разумеется, не что иное, как гнусные и лживые россказни, распространявшиеся на мой счет, дабы повредить моей репутации и достоверности моих историй.

Вскоре после чудесной охоты на зайца, о которой я только что поведал, я предпринял путешествие в Россию и прожил в Варшаве так долго, что уже наступила необыкновенно снежная зима, когда я пустился в дальнейший путь через северную часть польской провинции.

Я вскоре привык к стоявшим морозам и почти не замечал их; мне показалось только странным, что я в течение целого дня не увидел ни одной деревни, ни корчмы, ни даже отдельного дома. У меня было только одно утешение: по расположению солнца, а после его заката — по звездному небу я мог убедиться, что еду все время прямехонько на север. Однако, насколько я припоминал свое прилежное ознакомление с картами этой местности, мой путь должен был бы проходить через густые леса. Вместо них меня окружала лишь пустынная снежная равнина без единого деревца и какого-либо жилья.

С наступлением ночи я, устав смертельно, слез наконец с лошади и радовался, что захватил с собой большой каравай хлеба, собственно говоря, для лошади, а теперь разделил его с ней. Поблизости нашлось и нечто похожее на заостренный древесный пень, к которому я привязал лошадь, а сам, положив под голову седло, растянулся на снегу в нескольких шагах от нее. Засыпая, я с удовольствием заметил, что ветер повернул, и вместо северного подул теплый южный. Впрочем, мысли мои вскоре спутались, и я, утомленный и совершенно измученный, заснул настоящим мертвым сном и открыл глаза, когда стоял уже яркий день.

Полагая, что мне все еще снится сон, я осмотрелся вокруг — я лежал среди могильных холмов, на деревенском кладбище… Моей лошади нигде не было видно. Тут я услыхал человеческие голоса и, обернувшись на их звук, ясно различил высоко в воздухе, прямо над головой, и ржанье лошади… Крестьяне, почтительно приветствовавшие меня, показывали вверх, и — что бы вы думали? — на шпиле колокольни висела моя лошадь. Мне все вдруг стало понятно. Вся деревня была засыпана снегом, который защитил ее жителей от страшного мороза, и то, что я в темноте ночи и при смутном мерцании звезд и блеске снега принял за древесный пень, было на самом деле шпилем колокольни, к которому я и привязал лошадь. Пока я спал, весь снег растаял, и таким образом мое тело мало-помалу опустилось на землю.

Теперь же надо было избавить лошадь от ее неудобного положения… Я взял пистолет и перебил пулей ремень недоуздка, так что мой славный спутник тут же соскользнул с колокольни и радостно приветствовал меня. Корчмарь, очень милый человек, накормил нас хорошим завтраком и, пока мой конь поедал двойную порцию овса, рассказал мне, что обильный снегопад в Польше не редкость и такое же случается по нескольку раз почти в каждую зиму. В благодарность за угощение я едва мог заставить его принять несколько золотых монет и, отдохнув и подкрепившись, выехал в дальнейший путь, теперь уже — когда стаял снег — действительно через густые леса…

Несколько дней спустя я остановился передохнуть на короткое время в великолепном имении известного графа Пшобовского.

Мы сидели как-то за чайным столом, когда мужчин пригласили на двор замка полюбоваться молодым жеребцом, только что приведенным со знаменитого конного завода. Я остался с дамами, но раздавшийся вскоре крик ужаса заставил и меня броситься на двор.

К моему удивлению, я застал мужчин беспомощно стоящими вокруг неукротимого коня, который с такой яростью бил копытами и кусался, что даже самые отважные наездники не решались

приблизиться к нему. По тому, как вытянулись их физиономии, можно было догадаться, какой испуг охватил всех, и граф Пшобовский крикнул мне с явной насмешкой:

— Ну, Мюнхгаузен! Вот вам случай показать себя!

В ту же минуту я одним прыжком вскочил на спину испуганного животного и, пустив в ход все свое искусство, без особого труда покорил и объездил его. А чтобы доказать это дамам и избавить их от напрасных страхов, я заставил жеребца прыгнуть через открытое окно в чайную комнату и несколько раз проехался по ней шагом, рысью и даже галопом. Не успели все даже испугаться, как конь оказался на чайном столе, и я продемонстрировал здесь, среди чашек и тарелок, отличную школу верховой езды. Это чрезвычайно позабавило дам и доставило графу и его гостям такое удовольствие, что Пшобовский с присущей ему любезностью просил меня принять жеребца в подарок.

Так как он знал, что я еду в Россию, желая вступить в ряды армии и принять участие в предстоящем походе на турок под командой генерал-фельдмаршала графа Миниха, то Пшобовский попросил, чтобы я проделал этот поход на его лошади, которая своей покорностью, отвагой и пылом будет служить мне постоянным напоминанием о долге честного воина и о подвигах молодого Александра Македонского, имевшего такого славного коня, как Буцефал. Скромность не позволяет мне хвастаться своими заслугами, однако я могу прямо и по совести утверждать, что все мы, солдаты, честно исполнили свой долг, каждый на своем посту, и весь успех этого славного похода был естественным результатом наших совместных усилий, хотя официальная слава, само собой разумеется, выпала на долю главнокомандующего… Ну, господа, на сегодня довольно! Завтра вы услышите от меня новые истории!

Четвертый вечер

Мюнхгаузен сует кулак в волчью пасть. Взбесившийся кафтан и заживо ободранная лисица. Въезд в Петербург на санях, запряженных волком.

— Продолжу мой предыдущий рассказ. На следующий день я предпринял на подаренном мне коне дальнюю прогулку и на обратном пути заметил в парке, довольно близко от построек, большого зверя, которого хорошенько не успел рассмотреть из-за наступивших сумерек и быстрой езды.

Едва соскочив с седла, я побежал назад, в парк, желая узнать, была ли это собака либо иное животное; и не успел я повернуть в первую аллею, как на меня тотчас же бросился, с разинутой пастью, заинтересовавший меня зверь. Хотя темнота сгущалась с каждой минутой, я все-таки по характерным очертаниям понял, что имею дело не с собакой, а с волком. Но что же теперь делать? Оружия при мне не было. Даже пистолеты остались в кобуре у седла, а хищник приближался с каждой секундой. Искать спасения бегством казалось бесполезным; к тому же в нашем роду не принято выпутываться из опасности таким недостойным образом. Я бессознательно сжал кулак и сунул руку в открытую пасть волка. Разумеется, из чувства самосохранения я засовывал руку все дальше и дальше, пока она не погрузилась в волчью утробу по самое плечо… Не скажу, чтобы такое положение было мне очень по вкусу.

Вообразите только: лицом к лицу с волком! Мы смотрели друг на друга не очень дружелюбно, и в раскосых глазах зверя я отчетливо прочел намерение ринуться на меня; хищник только и ждал момента, когда я вытащу назад руку. В этом отчаянном положении я ухватился за его внутренности и, пока серый выл от боли, не имея возможности укусить обидчика, я вывернул его, как перчатку, внутренностями наружу и в таком виде швырнул зверя на землю, где утром садовник и нашел его. Старик, конечно, не смог удержаться и растрезвонил о случившемся. Я сам, разумеется, не придавал этому приключению

большого значения, однако остальные считали этот небольшой эпизод чуть ли не подвигом!..

Я должен, впрочем, сознаться, что не во всех случаях хотел бы повторить такой образ действий. Так, например, вскоре после этого, на одной из улиц Петербурга за мной погналась бешеная собака; однако я не стал обороняться и решил поспешить, а чтобы скорее и легче бежать, снял кафтан и бросил его в жертву собаке, желая выручить себя самого и надеясь успеть скрыться в какую-нибудь открытую дверь, пока бешеная собака будет терзать в ярости мой кафтан. Тем временем сбежались люди, убили собаку и вернули мне кафтан, на котором оказалось лишь несколько прорех. Дома я приказал лакею отдать завтра кафтан в починку моему портному, а тем временем Иван повесил его в шкаф.

Но на следующее утро я проснулся от его криков:

— Господин барон! Господин барон! Ваш кафтан взбесился!..

Я второпях вскочил, набросил на себя халат, пошел за слугой в гардеробную. И в самом деле, мой кафтан взбесился: вся моя одежда оказалась разбросанной и растерзанной в клочья. Бешеный кафтан на

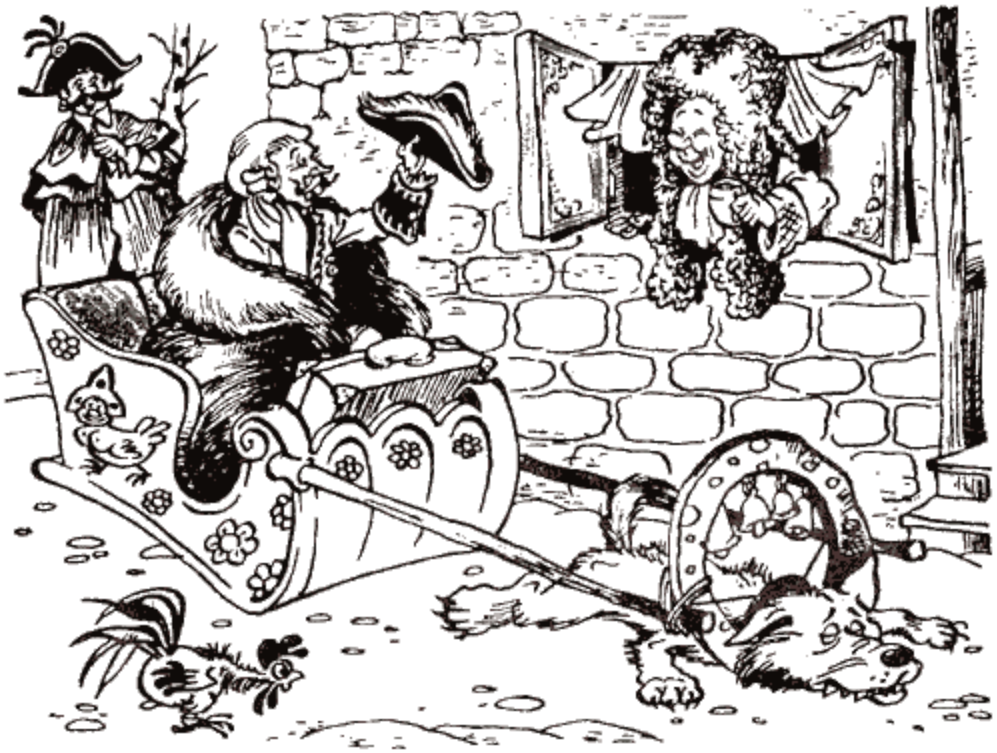
моих глазах набросился на новый мундир и стал трепать его самым немилосердным образом. Выстрелом из пистолета я покончил с ним — и затем приказал сжечь всю потрепанную кафтаном одежду, чтобы не случилось больше ничего подобного… По вашим глазам и по выражению лиц я замечаю, что вы считаете это событие весьма маловероятным, и тем не менее я могу поручиться своим благородным словом, что все рассказанное — правда…

Не знаю, дорогие друзья, поведать ли вам следующую историю, случившуюся со мной много лет раньше, и которая припомнилась мне теперь благодаря только что изложенному вам приключению с волком.

После одной большой охоты я приказал егерю свалить в кучу всю убитую дичь во дворе моего замка и снять шкуру с лисицы, которую все мы считали мертвой. Полчаса спустя я случайно — сам теперь не помню, зачем — проходил через двор и, к своему изумлению, увидел, что лисица, оказывается, не была мертва. И теперь, очухавшись, старается опять натянуть на себя содранную шкуру, словно это шуба… Она уже просунула в «рукавчик», если можно так выразиться, одну лапку и тужилась продеть и вторую, когда подоспел я и положил конец ее возне.

Да, с этими продувными бестиями, лисицами и волками, чего только не повидаешь!

Так как в России мало кто ездит верхом, то я поручил обеих моих дорогих лошадей стремянному и последний перегон перед Петербургом проделал на санях. В лесу недалеко от городских ворот за нами погнался страшный волк, одолеваемый жутким зимним голодом. Он скоро догнал нас, и я машинально растянулся плашмя на дне саней. Как я и предполагал, хотя и не смея на это сильно надеяться, — так и случилось! Волк перепрыгнул через меня, яростно набросился на лошадь и в один момент сожрал всю заднюю часть несчастного животного, которое от страшной боли припустилось еще быстрее. Незаметно приподняв голову, я с ужасом увидел, что волк все больше и больше въедается в лошадь. Тут я воспользовался удобным моментом и принялся жестоко нахлестывать его. Такое нападение с тыла нагнало на волка немалого страху. Он изо всех сил метнулся вперед, труп лошади упал на землю, а волк — представьте себе! — вскочил на ее место в хомут. Разумеется, я продолжал хлестать его без устали, не давая зверю времени опомниться. Таким образом мы примчались в Петербург, перепугав насмерть всех встречных. Я остановил сани лишь перед дворцом фельдмаршала. Граф Миних, случайно оказавшись в это время у окна, помирал со смеху, глядя на столь необычный экипаж.



Лучшего представления ко двору я не мог бы иметь, и на этом, господа, позвольте мне закончить сегодня!..

Пятый вечер

Мюнхгаузен получает под команду гусар. Штурм Очакова. Замечательная история о боевом коне Мюнхгаузена, перерубленном пополам и снова сшитом лавровыми побегами, и о его руке, продолжавшей рубить после жаркого боя. Мюнхгаузен попадает в плен к туркам.

— Ближайшим следствием моего своеобразного въезда в Петербург, который я описал в прошлый вечер, стало, разумеется, то, что немца, сумевшего запрячь дикого зверя, тотчас же поставили во главе гусарского отряда. Не описывая всех подробностей того периода, я упомяну лишь о взятии Очакова.

Прежде чем начать осаду этой крепости, меня с моими гусарами послали в авангард, и я видел, как турецкий гарнизон, окутанный облаком пыли, сделал вылазку и стал наступать на нас. Ничего не было бы легче, как, подняв вокруг себя такое же облако пыли, пойти на врага. Но разве это помогло бы нам?.. Быстро разработав план, я приказал набивать как можно больше пыли на обоих флангах моего отряда и так, широким фронтом, двинулся на турок, чтобы взглянуть на них поближе.

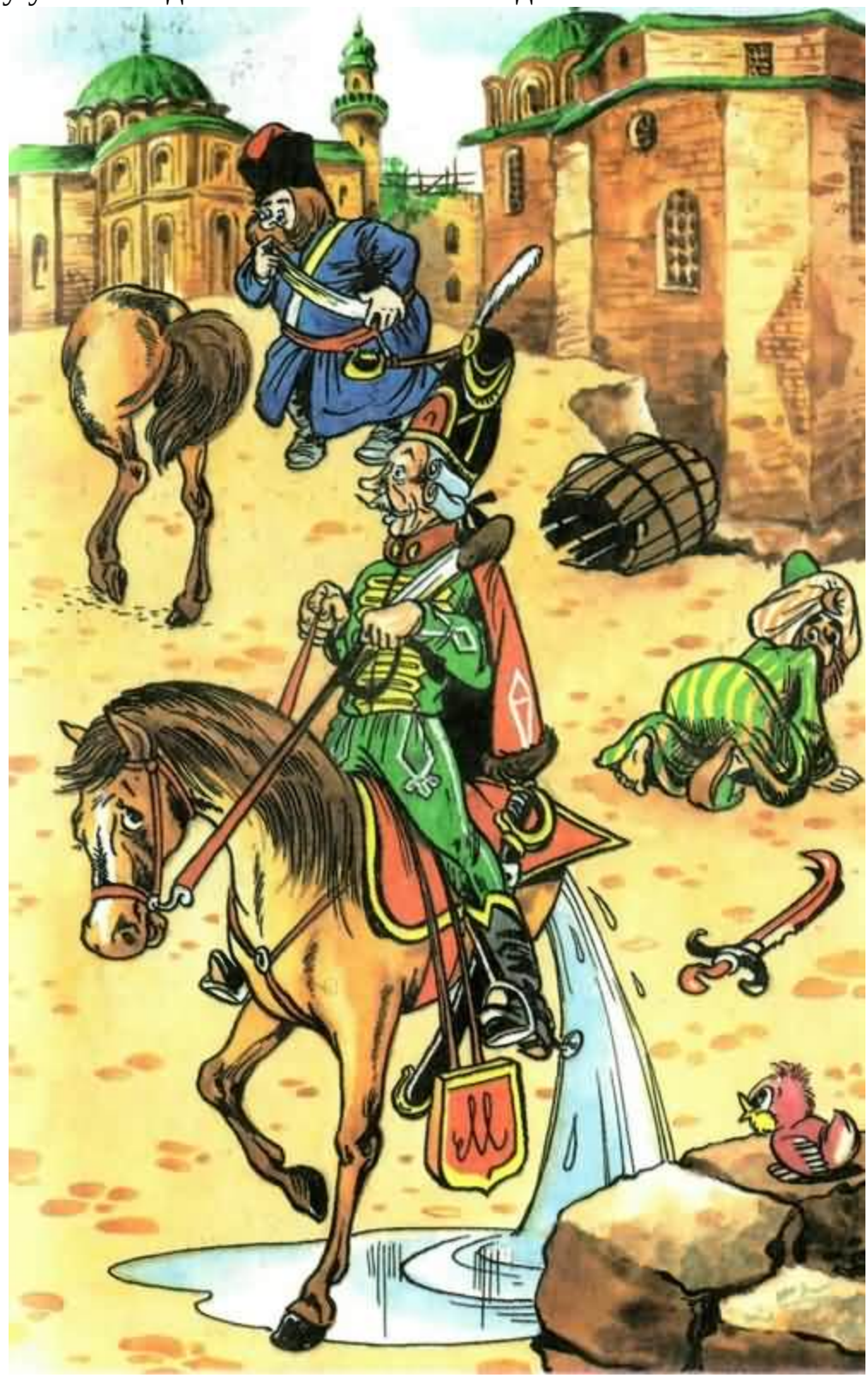
Понятно, неприятель счел нас гораздо сильнее, чем мы были на самом деле, потому что он мог видеть только середину нашего отряда, а сколько войска могло еще скрываться в облаках пыли справа и слева! Это соображение поколебало стойкость наших врагов, и, когда мы с громким «Ура!», заглушившим турецкие возгласы «Алла-иль-Алла!», бросились в атаку, противник оказал лишь слабое сопротивление и вскоре обратился в беспорядочное бегство, во время которого понес огромные потери. Мы не только загнали в крепость остатки турецкого войска, но и выставили их тотчас же через противоположные ворота, — что, впрочем, далеко превзошло наши самые смелые ожидания.

Само собой разумеется, когда мы сломили вражеские ряды и затем пустились преследовать их, я намного опередил моих людей, отчасти потому, что меня влекла юношеская отвага, отчасти же

благодаря чрезвычайной быстроте моего скакуна. Уложив у стен крепости последних неприятелей и собственноручно заперев ворота, я прискакал назад, на базарную площадь, чтобы приказать трубить сбор. К моему изумлению, я оказался здесь в полном одиночестве: представьте себе мое удивление, когда поблизости не было видно ни трубача, ни хотя бы одного из моих гусар! «Может, они разбрелись по другим улицам? Тогда они скоро явятся! Они не могут уйти далеко!» — думал я и поспешил на запыхавшемся коне к колодцу на базарной площади, чтобы напоить его. Но такой неутолимой жажды измученного животного, как на этот раз, мне никогда еще не случалось наблюдать.

Конь мой пил и пил не отрываясь. Я с удивлением смотрел на него минут пять или десять, и, когда наконец я обернулся, чтобы взглянуть, не собираются ли уже мои люди, — что я увидел? У бедного животного недоставало половины туловища и задних ног, и вода, вливавшаяся в него спереди, выливалась струей сзади, нимало не освежая моего доброго коня… Пока я раздумывал над этой загадкой, с противоположной стороны площади прискакал мой стремянный и, перемежая свою речь целыми потоками чистосердечных поздравлений

и крепких ругательств, объяснил мне, каким образом я очутился один и почему у меня недостает половины лошади.



Когда я проник в крепость следом за бегущими турками, в воротах внезапно упала опускная решетка, которая начисто отрезала заднюю часть моей лошади, что, впрочем, не помешало мне гнать перед собой толпу неприятеля и вытеснить его через противоположные ворота.

Выслушав этот рассказ, я погнал половину моей лошади и непостижимо быстрым галопом прискакал назад, к воротам, где нашел и вторую половину бедного животного, которая также рьяно преследовала бежавших прочь солдат турецкого гарнизона. Искусный лекарь моего отряда сшил вместе обе половины лошади, взяв для этого лавровые побеги, так как ничего иного под рукой не нашлось.

Это, впрочем, оказалось очень кстати, потому что лавровые побеги пустили корни в толе лошади, выросли и образовали лавровую беседку, так что во время этого и следующего походов я, в буквальном смысле, пребывал в тени своих лавров.

Во время следующего похода сераскир Фели-паша задумал хитрый план, чтобы уничтожить противника. Для этого он позволил русскому войску беспрепятственно пройти через теснины близ Перекопа и затем хотел окружить их на равнине и уничтожить все войско. Положение русских было отчаянное.

Я вскоре выведал слабое место в турецком лагере, где из-за близости болот и рек турки не ожидали нападения. Я явился к фельдмаршалу, сообщил ему свои наблюдения, и на следующий день мы предприняли сложный маневр. Ложная атака с другой стороны лагеря отвлекла внимание турок от слабо защищенного места, где мы и прорвались, закончив поход блестящей, неожиданной победой…

Я упоминаю об этом деле только потому, что в результате чрезмерного напряжения во время боя моя правая рука так разошлась и непроизвольно продолжала рубить направо и налево даже после сражения, и мне пришлось целую неделю держать ее в повязке. Воспользовавшись этим, турки врасплох напали на меня из засады и, безоружного, захватили в плен…

Шестой вечер

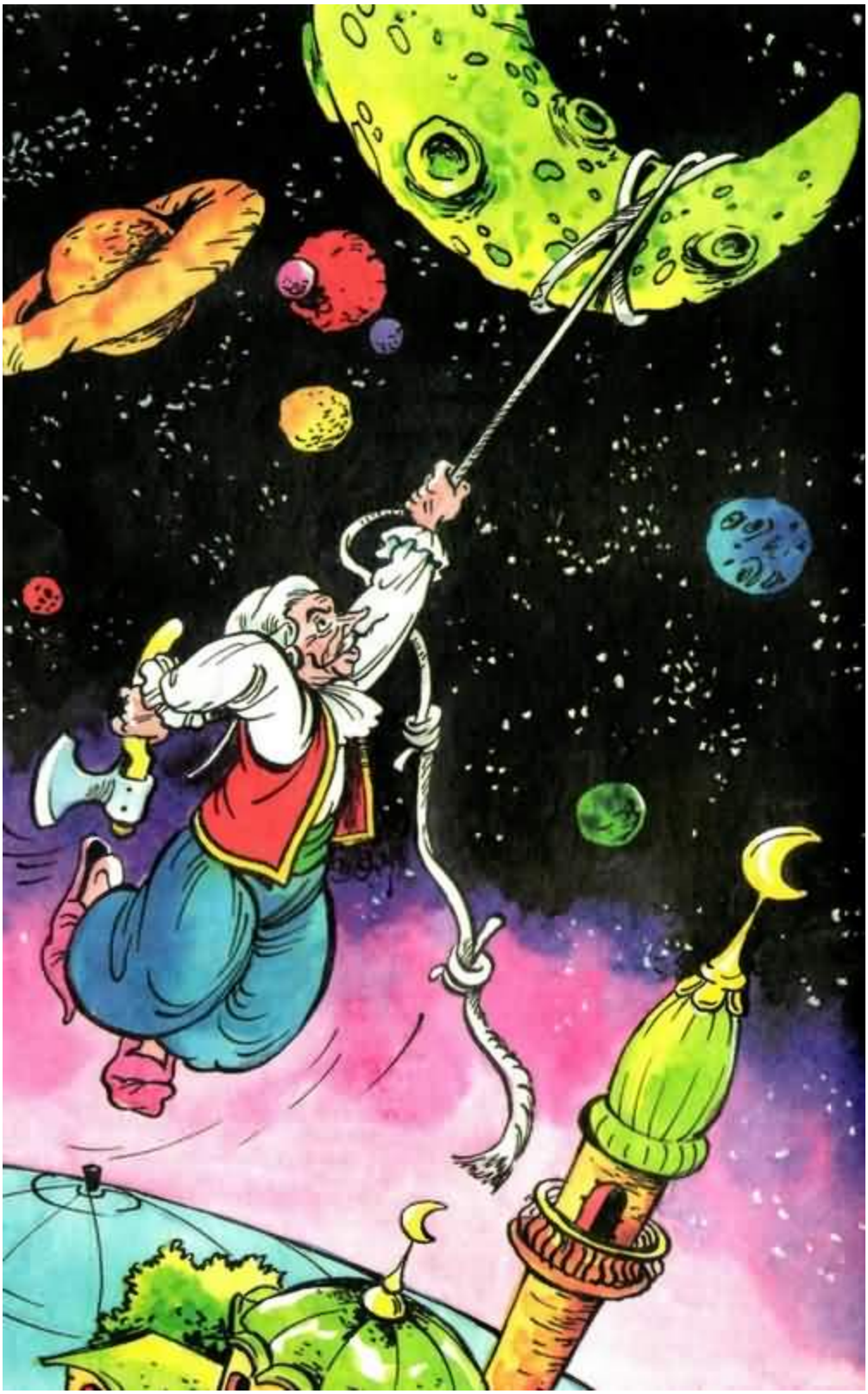
Мюнхгаузен, став пасечником султана, закидывает на луну серебряный топорик, влезает на нее по бобовому стеблю и спускается назад по короткой веревке из соломы. Освобождение Мюнхгаузена и возвращение в Россию. Атлетическое упражнение с каретой в лощине. Оттаявшие звуки почтового рожка.

— Любезные господа, друзья и товарищи! Согласно моему обещанию, вам предстоит сегодня услышать, как мне жилось в плену. Вместо того чтобы обменять меня на какого-нибудь знатного турка, попавшего в плен, меня привезли в Константинополь и приставили, как раба, к султанским садам в качестве пасечника. Это было, правда, довольно унизительно и странно для гусарского полковника. Однако всему можно научиться, и вскоре я знал в лицо большинство находившихся под моим присмотром пчел. Ведь я должен был каждое утро выгонять своих подопечных на пастбище, стеречь их там целый день и вечером позаботиться о том, чтобы весь пчелиный рой полностью вернулся в ульи.

Однажды вечером я недосчитался двух моих любимых пчёлок, и когда я стал разыскивать их, то увидел, как два медведя хотели растерзать бедняжек, чтобы отнять мед. Не имея другого оружия, я бросил в медведей серебряный топорик — знак султанских садовников — и промахнулся. Но звери испугались и убрались восвояси… Не знаю точно, откуда они пришли в Константинополь — с Балкан или с Парнаса. В любом случае, неплохо, что их удалось прогнать. Однако весьма печально было то обстоятельство, что маленький серебряный топорик, пущенный моей рукой, который пронесся между головами медведей, продолжал лететь все дальше и все выше, пока не достиг луны, и там остался лежать. Как мне теперь добыть его? Разве можно найти такую лестницу?.. Тут мне пришло в голову, что несколько дней назад старик-садовник дал мне турецкий боб, привезенный то ли из Багдада, то ли от гроба Пророка. Я поспешно посадил его в землю, сам не веря тому, что старый Омар-бен-Казем рассказывал мне о его волшебнобыстром росте.

Но что же случилось?

Едва я положил боб на садовую грядку, как он тотчас же проклюнулся и пустил росток, который на моих собственных глазах вытянулся на такую высоту, что обвился вокруг нижнего рога луны. Тут я смело полез на луну и благополучно добрался до нее после нескольких часов изнурительного подъема.



Мне предстояла еще вторая, трудноразрешимая задача — разыскать маленький серебряный топорик на поверхности луны, где

все сверкало, как чистое серебро. Однако после долгих поисков, продолжавшихся несколько часов, удалось и это сделать, но, увы! Тем временем моя бобовая лестница засохла от ужасной солнечной жары, и теперь я беспомощно сидел там, наверху, не зная, что делать. К счастью, топорик упал на кучу мякины и соломы, и я принялся плести из этой самой соломы веревку как можно длиннее. Эту веревку я привязал к одному из рогов лунного серпа и стал спускаться по ней вниз. Левой рукой я крепко уцепился за веревку, а в правой держал топорик. Соскользнув на некоторое расстояние, я отрубал лишний кусок над моей головой, подвязывал его к нижнему концу веревки и, продолжая поступать таким же образом, спустился почти до земли. Однако из-за того, что я постоянно обрубал и надвязывал веревку, она становилась все менее прочной. Наконец, когда я висел еще в облаках, милях в двух над землей, моя веревка лопнула, и я шлепнулся на землю с такой силой, что сперва был совершенно оглушен. Прошло немало времени, прежде чем я снова пришел в себя и заметил, что, ударившись о землю, ушел в нее на глубину по крайней мере девяти саженей. Это один из тех случаев, когда пересказчики моих приключений охотно распускают ложь, будто бы я ногтями выкопал в земле нечто вроде лестницы, чтобы вылезти из ямы, тогда как я ведь не настолько же глуп проделывать эту работу ногтями, раз у меня был мой топорик, а с его помощью совсем не трудно выкопать несколько сотен ступенек. Мне нечего вам говорить, как неприятны для меня такие прибавки и прикрасы, не имеющие ничего общего с правдой, и они совсем не нужны при верном пересказе моих путешествий!

Обдумывая только что рассказанное мое приключение, я припомнил, как на моей родине часто ловят мух на палочки, обмазанные сиропом, и решил применить это средство для ловли медведей. Однажды я обмазал медом тележное дышло, а сам спрятался. В первую же ночь, учуяв соблазнительный аромат, явился Михайло Иваныч Топтыгин, ворча, не спеша обошел несколько раз вокруг телеги, и так как ничего не заподозрил, то начал лизать конец дышла и вскоре зализал в себя все дышло через глотку, желудок и брюхо, пока оно не показалось у него из тела с задней стороны. Я подождал еще немного, а затем выскочил из своего тайника и забил здоровый клин, чтобы помешать сластене слезть с дышла.

Утром я привел к нему самого султана, который прогуливался неподалеку, и тот чуть не умер со смеху над этой чудесной охотничьей проделкой…

Этот эпизод послужил поводом к более короткому знакомству с султаном, которое, правда, на первый раз длилось недолго.

Вскоре затем австрийцы заключили с турками мир, а за ним должен был последовать и мирный договор турок с русскими, и в числе прочих военнопленных освободили и меня. В то время я, конечно, и думать не мог, что вскоре снова вернусь в Константинополь, хотя и в иной роли.

Само собой разумеется, что я не шел пешком вместе с другими пленными, а ехал в почтовой карете, сообразно своему рангу, так как мой конь остался в Турции.

Во время этого путешествия нам пришлось как-то свернуть в узкую лощину, и я напомнил вознице-почтальону, что он должен дать рожком знак, чтобы нам не столкнуться в ущелье с другой повозкой, едущей с противоположной стороны. Добрый человек приставил рожок к губам и стал дуть в него изо всех сил, но все его старания были напрасны. Рожок не издавал ни единого звука, что оставалось для нас совершенно необъяснимым, да и к тому же явилось настоящим

несчастьем, так как вскоре нам попалось навстречу несколько телег, нагруженных бревнами, и объехать их на узкой дороге было абсолютно невозможно. Нас могло выручить из беды только одно средство.

Я выскочил из кареты и выпряг лошадей. Затем я взвалил на плечи карету, со всеми ее четырьмя колесами и со всем багажом, и перескочил с ней через плетень на соседнее поле, прыгнув на высоту около девяти футов, что было не такое уж легкое дело, если принять во внимание тяжесть экипажа. Затем я таким же образом переправил одну за другой лошадей, а когда телеги с бревнами проехали мимо, я опять перенес на дорогу одним прыжком сперва — карету, а после нее — лошадей…

Но представьте себе, что с нами случилось на ближайшей почтовой станции! Почтальон повесил около громадной зеленой изразцовой печи с одной стороны — свою шляпу, а с другой — почтовый рожок, и спустя несколько минут вдруг раздались звуки: «Трам, трам, трам-там-там!», а затем послышались все сигналы, которые пытался извлечь из рожка на дороге почтальон, но которые замерзли от холода в рожке, а теперь оттаяли!..

Этого мало: вскоре прозвучало и все прочее, что пытался протрубить наш честный возница в течение дня. Мы услыхали

множество русских народных песен, исполненных невероятно трогательно, например: «Прости на вечную разлуку» и «Вот мчится тройка удалая», известный Суворовский марш, сентиментальную уличную песенку «Ты душа ль моя, красна девица», «Гром победы, раздавайся» и между ними — различные кавалерийские сигналы, а в заключение — «Охоту с гончими» и вечернюю песенку «Солнце на закате».

Тут только обнаружилось, как наш возница старался развлекать нас в дороге. Вероятно, ни с кем из вас не случалось ничего подобного. У нас, в Германии, мне тоже никогда не приходилось испытывать такого мороза, чтобы замерзли звуки в почтовых рожках. Для этого нужны именно такие страшные холода, какие часто бывают в России.

Я уже много раз высказывал свое негодование в адрес многих путешественников, которые любят представлять вещи и события в таком виде, как они никоим образом не могли случиться, и рассказов, которых никто не может, при всем желании, считать правдоподобными.

Такое злоупотребление человеческим легковерием не только совершенно несовместимо с честью дворянина, но и положительно недостойно, и потому подобного рода лгуны и сочинители получают вполне заслуженную кару, если слушатели громко поднимают их на смех, а потом избегают общества такого рассказчика, или если читатели книги, написанной в такой манере, захлопывают ее с презрительной усмешкой и больше не хотят иметь дела с таким лживым автором.

С другой стороны, для совершенно правдивого и искреннего человека, рассказывающего тот или другой эпизод из своих приключений, нет ничего более обидного, если его истории встречают пожиманием плеч и явным недоверием.

Так как при нашем следующем свидании я намереваюсь поведать о нескольких приключениях на море, то я прошу всех, кто не вполне тверд в своем доверии ко мне, лучше на некоторое время совсем не посещать наших собраний, потому что мои морские приключения, хотя и столь же правдивы, но, пожалуй, еще более удивительны, чем приключения на суше, о которых я рассказывал до сих пор…

Седьмой вечер

Кое-что о лейб-кучере английского короля. Палящий зной на Цейлоне. Спасение из когтей льва и из пасти крокодила.

— Сегодня, уважаемые товарищи, я хочу вспомнить о стародавних временах. Я едва распростился с детскими башмачками и вступил в юношеский возраст, как родственник моей матери выхлопотал мне разрешение отправиться вместе с ним морем на остров Цейлон, где его дядя служил тогда губернатором. Но до этой поездки мы должны были еще провести некоторое время в Амстердаме, так как мой родственник получил от голландских министров поручение отвезти губернатору важные бумаги…

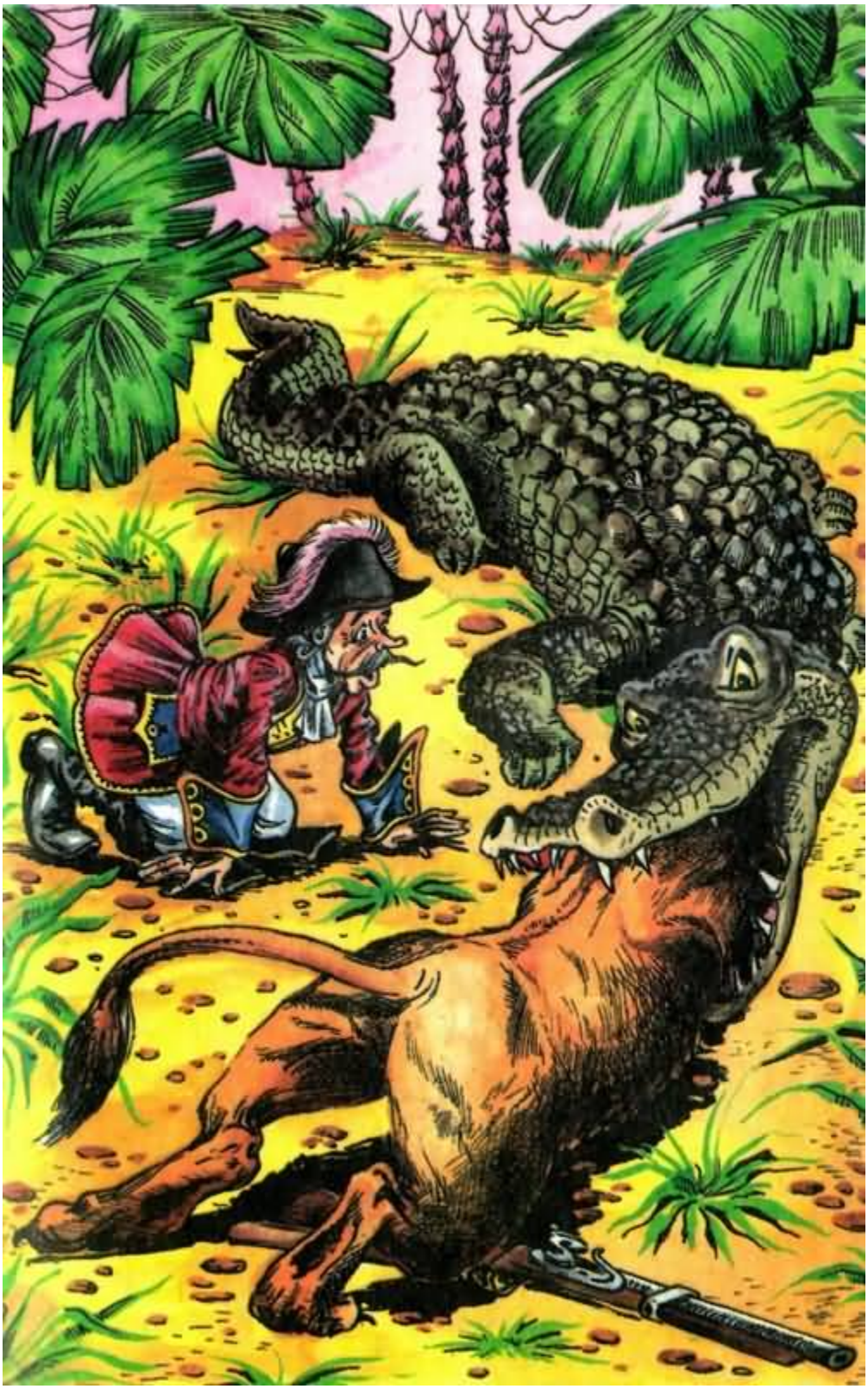
Я мог бы рассказать вам, господа, друзья и товарищи, много интересного о нашем житье-бытье в Амстердаме, а также и в Лондоне, куда мы затем переехали, но отложу это до другого случая. Сегодня я упомяну лишь об одной крайне замечательной личности в Лондоне, а именно — о королевском лейб-кучере, который, как известно, был душой тогдашнего английского правительства и произвел на меня впечатление прежде всего своей наружностью. Он не только носил роскошный парик, кудри которого ниспадали ему на плечи, но и всю его грудь до пояса скрывала густая борода, в которой был очень тщательно выстрижен английский герб. Хотя в парадной королевской карете, которой правил лейб-кучер, носящий титул старшего лорда, ехал на открытие парламента сам король со всей пышностью своего двора, тем не менее я смотрел исключительно на кучера, особенно когда он во время какой-то задержки движения несколько раз щелкнул бичом, и после каждого такого щелчка веревка бича образовала отчетливо и искусно сплетенный вензель К. Г. (Король Георг).

О нашем морском путешествии мне сказать особенно нечего. Ведь почти никому не удается миновать сильного шторма, без которого не обходится почти ни одно описание более или менее дальнего плавания, поэтому я избавлю вас от него. Но чрезвычайно замечательно было одно из охотничьих приключений, случившееся со мной через несколько дней после нашего благополучного прибытия на Цейлон.

Однажды я отправился со старшим сыном губернатора по его приглашению на прогулку вдоль берега, прихватив с собой ружье, и вскоре обнаружилось, что мой новый друг, высокий и сильный молодой человек, привыкший к знойному жаркому здешнему климату, мог бодро продолжать путь, тогда как я, совершенно истощенный, должен был опуститься на землю в тени нескольких деревьев и дать себе отдых. Да, господа, должен был!.. Ведь такая жара, от которой расплавлялись свинцовые пуговицы моего камзола, для нас, европейцев, представляет нечто не совсем обычное, и я все время боялся, как бы мое ружье не накалилось на солнце до такой степени, что порох в его дуле вспыхнет сам собой. Поэтому мне было очень приятно, что с меня текли целые реки пота: достаточно было осушить носовым платком лоб каждые пять-десять минут, чтобы он совершенно пропитался влагой, а затем положить его на ружейный замок, причем каждый раз слышалось страшное шипенье, как только мокрая ткань касалась раскаленного металла.

После короткого отдыха я в одиночестве тронулся дальше и скоро добрел до бурного потока; я хотел было присесть здесь, как раздавшийся за моей спиной шум заставил меня повернуть голову и осмотреться. И что же я увидел? Здоровенного льва, который уверенно шел прямо на меня. Не задумываясь над тем, что мой заряд самой мелкой дроби может лишь пощекотать царю зверей ноздри, я схватил ружье и спустил курок…

Величественный хищник остановился лишь на мгновенье, тряхнул головой и, готовясь к прыжку, испустил грозный рев. К своему стыду, я должен сознаться: молодой барон Мюнхгаузен до того потерял голову, что решил искать спасения в бегстве… Я повернулся, и… — у меня до сих пор еще дрожь пробегает по телу, когда я вспоминаю этот момент… — в нескольких шагах от меня стоит омерзительный крокодил, уже раскрывший свою страшную пасть, чтобы проглотить барончика!.. Представьте себе, друзья мои, весь ужас моего положения!.. За мной — лев, передо мной — крокодил, слева — бурный поток, справа — пропасть, кишащая ядовитыми змеями. Мне кажется, и с Геркулесом в таком положении случилось бы то же самое, что со мной: я тотчас же потерял сознание и замертво упал на землю, будучи уверен, что мне пришел конец или на зубах крокодила, или в львиной пасти!..



Благодарю вас за участие, которое при мысли о моем незавидном положении, как я вижу, покрыло ваши лица мертвенной бледностью…

Однако успокойтесь!.. Спустя несколько секунд я очнулся от сильного, но непонятного звука. Я отважился приподнять голову — и что же вы думаете?.. Разъяренный лев перескочил через меня и попал прямо в пасть крокодила. Голова одного завязла в глотке второго, и оба стараются изо всех сил отделаться друг от друга. Я проворно вскочил на ноги, вытащил нож и одним ударом отсек льву голову, так что его туловище рухнуло возле моих ног. Затем прикладом ружья я еще глубже забил львиную голову в пасть крокодила, который от этого задохнулся и околел.

Вскоре после одержанной мной победы вернулся мой друг, желая взглянуть, какую дичь я убил своим выстрелом. Разумеется, и он был немало удивлен моей добычей.

Мы тут же измерили крокодила, длина которого оказалась ровно сорок футов и семь дюймов парижской меры.

Когда мы рассказали губернатору об этой необыкновенной охоте, он тотчас послал повозку и нескольких людей, чтобы привезти тела обоих животных. Из крокодила сделали чучело, которое теперь является главным украшением Амстердамского музея, и сторож, рассказывая о моем приключении, делает к нему возмутительные прибавки. Так, например, он утверждает, что лев хотел проскочить

сквозь крокодила, но знаменитый господин барон — так он величает меня — отрубил льву голову, как только она снова появилась на свет Божий, и вместе с ней — три фута хвоста крокодила, который при этом повернулся, вырвал из рук господина барона нож и с такой яростью проглотил его, то есть нож, что последний пронзил его сердце, вследствие чего чудовище тут же рассталось с жизнью.

Нечего объяснять вам, как для меня неприятно бесстыдство этого негодяя. В наш скептический век люди, не знающие меня, легко могут усомниться даже в правдивости моих настоящих подвигов и приключений, а это в высшей степени обидно и оскорбительно для честного дворянина…

Восьмой вечер

Посещение острова Святой Елены. Гольфстрим и сварившаяся в нем рыба. Казарка как транспортное средство. Канат и якорь в дупле китового зуба. Пребывание в рыбьем желудке.

— На обратном пути в Европу мы уже обогнули мыс Доброй Надежды, когда я попросил капитана корабля остановиться у маленького островка Святой Елены, лежащего в тамошних водах.

— Эх, братец! И чего вам там нужно? — спросил капитан.

— Ничего, ровным счетом ничего, только посмотреть на этот скалистый остров, — ответил я.

Вот мы к нему и пристали. Там было мало любопытного, но и до сих пор я не могу отделаться от предчувствия, что этот остров Святой Елены непременно чем-нибудь прославится. Чем именно — этого я не знаю, но мне кажется, что более молодые из вас еще доживут до этого.

А тогда для нас важно было то, что у этого острова мы встретили английский корабль, капитан которого оказался близким приятелем нашего капитана. Разумеется, друзья провели несколько часов, беседуя в каюте. После этого мой родственник сообщил мне, что должен переменить курс, так как он взялся доставить важные депеши командиру английской морской станции на Вест-Индских островах.

Этот маленький крюк был мне очень приятен, потому что благодаря ему я познакомился с теплым Гольфстримом и мог воочию убедиться, что все, услышанное ранее мной об этом замечательном Гольфстриме, — чистая правда. Погода стояла, правда, необыкновенно теплая, но в солнечные дни вода была до того горяча, что можно было попросту опустить в нее предназначенные для варки мясо или яйца, чтобы их можно было немедленно употреблять в пищу.

Всего более меня поражали громадные стаи всевозможных морских рыб, весело плававших и резвившихся около корабля, а когда их удавалось поймать на удочку или сетью, то на воздухе они тотчас же оказывались совершенно сваренными, так что их можно было тут же есть, и вкус они имели отменный. Вопрос, как это возможно, чтобы совершенно сваренные рыбы могли резвиться в кипящей морской

воде, долго занимал нас, пока мы не нашли подходящего объяснения: это стало возможным лишь потому, что вода нагревалась постепенно, и рыба мало-помалу привыкала к более высокой температуре. Когда она попадала из воды на сравнительно прохладный воздух, жар, разумеется, бросался внутрь и в ту же секунду убивал ее.

В этом явлении не было, следовательно, ровно ничего удивительного…

Мы испытали крайне замечательное приключение, когда повернули от острова Ньюфаундленд на восток, к Европе, и на следующий же день наш корабль со страшной силой наскочил на нечто, показавшееся всем нам скалой. Однако на морских картах в этой местности не значилось никакой скалы, а брошенный лот на глубину пятисот саженей не достигал еще дна. Нам казалось совершенно необъяснимым, что мы не только потеряли руль, но и бушприт переломился посередине, и все наши мачты треснули сверху донизу.

Бедный парень, который как раз в это время брал рифы на главном парусе, отлетел по крайней мере на три мили от корабля, прежде чем упал в воду. Однако он спасся благодаря счастливому случаю: он успел

ухватиться за хвост летевшей мимо казарки, благодаря чему ему удалось не только ослабить толчок при падении в воду, но он еще смог, устроившись на птице между шеей и крыльями, до тех пор плыть за кораблем, пока мы не подняли его на палубу.

Другим доказательством страшной силы удара было то обстоятельство, что всех людей, находившихся между палубами, подбросило вверх так, что они стукнулись о потолок. Моя собственная голова оказалась при этом совершенно вдавленной в живот, и прошло несколько месяцев, прежде чем она получила свое естественное положение.

Мы еще не оправились от смятения и неописуемого изумления, когда все сразу объяснилось появлением большого кита, который задремал на поверхности воды, греясь под солнечными лучами. Он казался крайне разгневанным тем, что наш корабль разбудил его, и, разбив ударами хвоста нашу кормовую галерею и захватив зубами большой якорь, лежавший по обыкновению со свернутым канатом на носу корабля, тринадцать часов тащил наш корабль, сделав таким образом по крайней мере миль сто. Мы приближались уже к американскому материку, когда якорный канат, к нашему счастью, лопнул, но благодаря полученному разгону корабль быстро домчался до самого устья реки Святого Лаврентия…

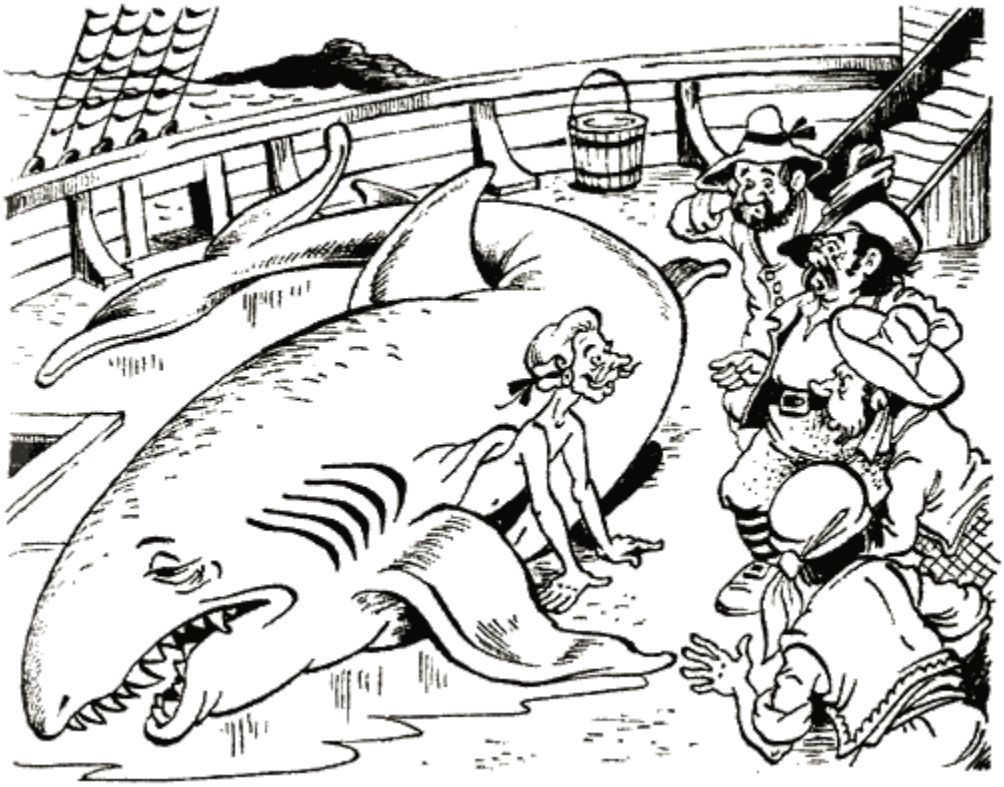
Здесь мы исправили полученные повреждения и когда, спустя некоторое время, приплыли на то место, где произошло столкновение, то увидели поблизости на воде труп того самого кита. Длина его достигала, без всяких выдумок, по крайней мере полмили! Так как мы могли взять к себе на борт лишь небольшую часть этого огромного животного, то мы с большим трудом отрезали ему голову и, к нашей великой радости, нашли в ней не только наш якорь, но и более сорока саженей каната, которые торчали с левой стороны пасти из дупла в зубе. Больше во время этого плавания уже не произошло ничего достопримечательного…

А в Средиземном море однажды мне пришлось даже рисковать жизнью. В один приятный летний вечер я купался близ Марселя в очень приятной теплой морской воде, как вдруг на меня бросилась с величайшей быстротой большая рыба с раскрытой пастью.

Само собой разумеется, скрыться от нее было совершенно невозможно, потому что рыбы плавают гораздо лучше нас; поэтому я

сжался как мог, втянул в себя ноги и плотно прижал к телу руки, чтобы проскользнуть невредимым через колючие ряды зубов рыбы в ее желудок. Я счастливо добрался в его полость, где все-таки оказалось чересчур тесновато и слишком темно, хоть глаз выколи, но по крайней мере было достаточно тепло.

Так как я, очевидно, причинял моей хозяйке немалую тяжесть в желудке и другие неприятные ощущения, то она всячески старалась избавиться от меня. Но чем больше она давилась и корчилась, тем неприятнее становился я для нее своими движениями. Когда же я убедился, что мои прыжки и скачки для нее положительно невыносимы, я начал отплясывать шотландский вальс, хотя на душе у меня было вовсе не до танцев. Рыбе это так пришлось не по вкусу, что она даже страшно крикнула и наполовину высунулась из воды. Это привлекло внимание экипажа итальянского коммерческого судна, проходившего мимо как раз в это время, и спустя несколько минут мою рыбу убили гарпунами. Я понял это по ее предсмертным судорогам. Вскоре ее вытащили на палубу, и я слышал, как матросы совещались друг с другом, каким образом надо разделать рыбу, чтобы получить возможно больше жира.



Так как я прекрасно понимал по-итальянски, то этот разговор нагнал на меня немало страху, как бы большие ножи, свежуя рыбу, не поранили случайно и меня. Я замер в своей темнице и стал ждать как можно спокойнее, но с сильно бьющимся сердцем, откуда матросы начнут свою операцию. К большому моему облегчению, они начали с того, что вскрыли брюхо, и едва я увидел первый проблеск света, как принялся петь самым мелодическим образом: «O pescator del onda! Fidelin!»

Дальше я не стал испытывать судьбу, потому что мое пение вызвало страшный переполох на палубе. Тут я разорвал стенки своей тюрьмы, и крики матросов перешли в громкие возгласы радости, когда они увидели вылезающего из рыбы человека. Пока мне подавали разную закуску, я рассказал моим спасителям все, что случилось, поблагодарил их за помощь и поспешил броситься в воду, чтобы добраться до оставленной на берегу одежды. К моей великой радости, я нашел все в том же виде, как и оставил, и по своим карманным часам увидел, что просидел в желудке бестии-рыбы около трех часов — слишком долго, господа, если учитывать то, что я находился там в совершенно нечеловеческих условиях.

Девятый вечер

Радушный прием в Константинополе у султана, которому Мюнхгаузен рассказывает о своем полете на ядре. Мюнхгаузен едет посланником в Каир и по пути принимает к себе на службу пятерых полезных людей: скорохода, острослуха, меткого стрелка, силача и ветрилу.

— Любезные друзья и товарищи! В связи с моими морскими приключениями, о которых я рассказал вам в последний раз, я хотел бы сегодня объяснить вам, как я из Италии попал в Вену и оттуда был командирован с дипломатическими поручениями в Константинополь, к султану. Однако я поведаю вам эту историю в другой раз со всеми подробностями. Слишком много еще живет свидетелей той эпохи, и потому было бы нескромно сейчас вспоминать это дело. На сегодня вы должны удовольствоваться тем, что я был снабжен секретными депешами и уполномочен вступить с султаном в переговоры, поэтому я покинул Вену и с пышностью прибыл в Константинополь. Я был представлен султану римским, императорско-русским и французским послами и передал драгоману (переводчику) мои верительные грамоты для вручения их султану установленным порядком, через великого визиря. Весь дипломатический корпус, все высшие сановники и придворные были в высшей степени удивлены, когда султан, едва успев произнести драгоману для перевода первые слова своей приветственной речи, вдруг остановился и, протягивая руку, двинулся в мою сторону со словами:

— Ах, дуй тебя горой! Мюнхгаузен! Да ведь мы — старые знакомые и добрые друзья, и не надо нам никакого переводчика! Тысячу раз добро пожаловать, старый приятель!

Все послы и даже главный представитель дипломатического корпуса поняли, что такие слова — нечто большее, чем простая шутка, и это создало мне особенно выгодное положение в их глазах. Да и мои отношения с султаном были теперь совсем иные, чем раньше, когда я, как военнопленный, должен был пасти пчел в султанском саду.

В то время испортились отношения между Турцией и Египтом, и султан однажды пожаловался мне на свое тяжелое положение, так как он ломал голову, кому поручить уладить возникшие осложнения.

Должно быть, на моем лице при этих словах появилось несколько странное выражение, потому что султан сказал, лукаво улыбаясь:

— Ну, почему у вас такой хитрый вид, Мюнхгаузен, словно вы хотите спросить: «А к чему же я здесь?..» Эге, вы так думаете?

Я только пожал плечами, а султан продолжал:

— Хорошо, хорошо, мой милый! Я уже понимаю… Только пойдемте в ту беседку. Вы видите, к ней ведут триста шестьдесят пять ступеней, туда не проникнут никакие уши, как бы ни были они длинны… Там, наверху, я доверю вам одну тайну! Ну, вперед!..

Я одним духом взобрался наверх и должен был ждать почти целый час, пока явилась тучная фигура султана.

Ожидание не показалось мне слишком долгим, хотя султан до того запыхался, что понадобилось еще с полчаса, прежде чем он мог произнести лишь одно слово: «Терпение!» Хорошо! Терпения-то у меня — не занимать, а пока я наслаждался восхитительным видом…

Я положительно не знал, на чем лучше остановить свой взгляд, и очень сожалею, что на следующей неделе с неба упал как раз на шпиль этой башни-беседки огненный шар, и все здание сгорело дотла, на что, однако, потребовалось девять дней и девять ночей.

Но теперь вам любопытно узнать, доверил ли мне наконец султан свою тайну.

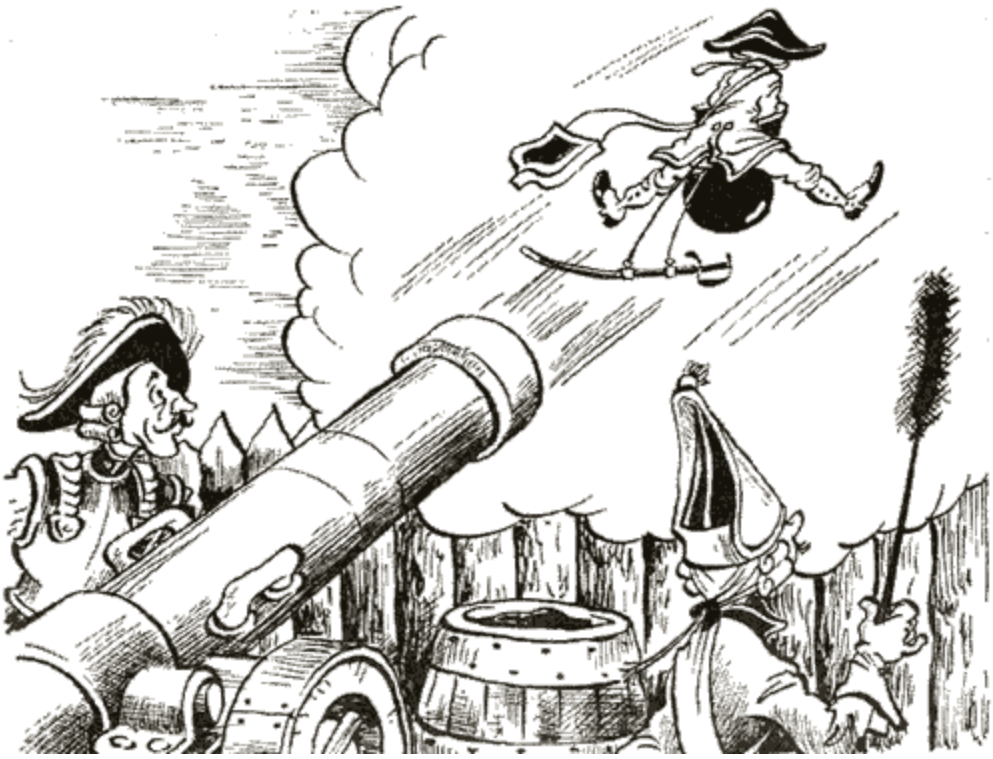
Да, доверил. Но, к моему величайшему сожалению, я по некоторым причинам не могу сообщить вам, о чем шла тогда речь. Вы сами ведь знаете, что в дипломатических кругах бывают такие тайны, разглашение которых может вызвать всеобщую европейскую войну. Удовлетворитесь же моим уверением, что и в данном случае тайна султана принадлежала к числу самых опасных, и султан даже поклялся Кораном и бородой Пророка не только никогда и никому не обмолвиться ни единым словом, но и не сделать ни малейшего намека о причинах и цели моей поездки в Каир. Я же, в свою очередь, обещал лишь, под честное слово немецкого дворянина, хранить об этом молчание…

Единственное, что могу вам сказать, — я выполнил возложенную на меня задачу к полному удовольствию султана, и он впоследствии

отправлял меня с подобными же поручениями к персидскому шаху, о чем я при случае расскажу вам подробнее…

Вечером, накануне моего отъезда в Египет, я сидел с султаном до наступления сумерек в беседке на берегу моря, и мы еще раз переговорили обо всем, что я должен был выполнить при дворе вице-короля в Каире, а затем разговор перешел на мои прежние подвиги в прусской армии, и я рассказал султану одно мое приключение во время осады (я уже не помню теперь, какой именно) маленькой неприятельской крепости. В наши прежние встречи, дорогие друзья и товарищи, я никогда не вспоминал об этой истории, имеющей мало значения, но султан нашел ее столь восхитительной, что я готов и вас позабавить ею.

Итак, мы осаждали какую-то крепость, и командующему крайне важно было получить точные сведения о том, что творилось за ее стенами… При штабе не было ни одного подходящего человека, которого можно было бы послать в крепость на разведку с надеждой на успех. И когда я обдумывал все затруднения, какие пришлось бы преодолеть, чтобы пробраться через форпост, караулы и крепостные стены, у меня вдруг мелькнула мысль, нельзя ли добиться этого иным способом!.. И вот, не сказав никому ни слова о своем плане, я встал возле одного из самых крупных орудий и внимательно ждал того момента, когда раздастся команда: «Пли!» и канонир поднесет к затравке фитиль… Как только ядро вылетело из дула, я вмиг вскочил на него, рассчитывая проникнуть на нем в крепость.



Однако пока я летел по воздуху, в голове у меня теснились всевозможные соображения. «Да уж! — думал я. — Туда-то я, положим, попаду; а как выбраться потом оттуда? И что будет со мной в крепости?.. В пылу рвения я не снял даже мундира, поэтому во мне тотчас же признают шпиона и повесят на ближайшем дереве… Нет! Это был бы первый представитель рода Мюнхгаузенов, которого постиг бы такой конец!..»

Поэтому я быстро решил воспользоваться первым встречным ядром, брошенным из крепости, как обратным экипажем; а так как вскоре мимо меня летело на расстоянии лишь нескольких шагов одно из неприятельских ядер, то я не упустил случая, перепрыгнул со своего ядра на вражеское и таким образом вернулся назад, хотя и ничего не сделав, но зато целым и невредимым.

— Мюнхгаузен! — крикнул султан, надрываясь со смеху. — Мюнхгаузен! Хотел бы я видеть эту картину! Это, должно быть, была забавная прогулка!..

— Конечно, ваше высочество! — ответил я. — И я рад, что дело кончилось благополучно, потому что я чуть было не погиб. Ядра — страшно гладкие, и мне с трудом удавалось сохранять равновесие. Но счастье — удел молодости!..

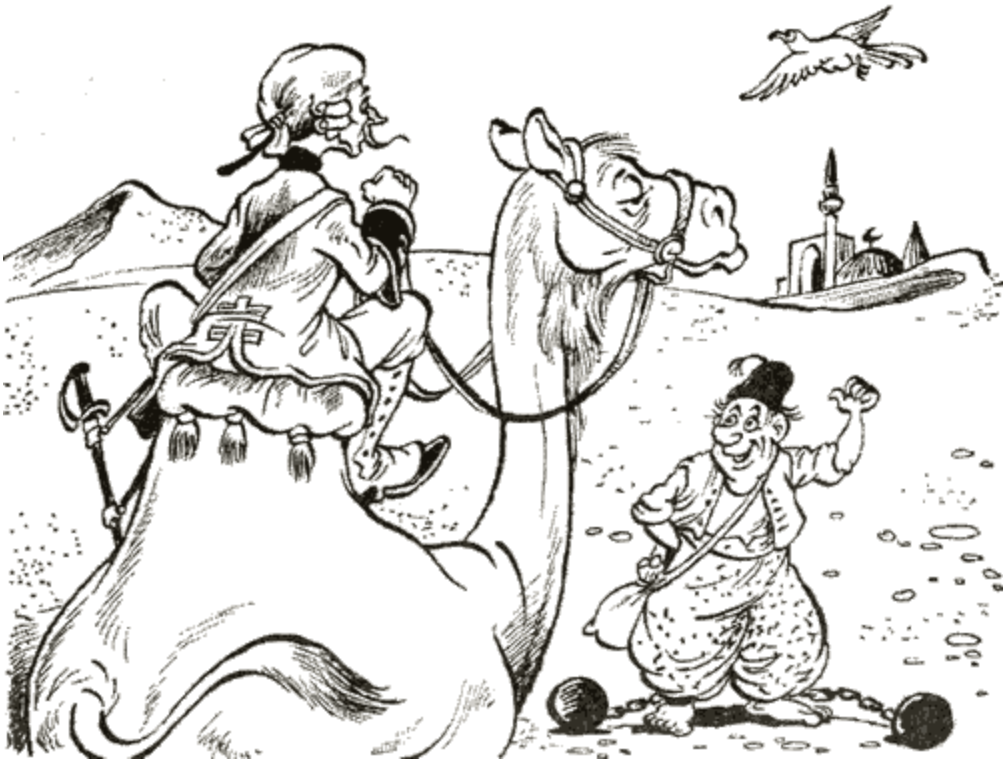
На другое утро я выехал с подобающей пышностью, как посланник, и с очень многочисленной свитой, какая надлежала мне по тогдашнему моему положению. Султан провожал меня и, подавая мне на прощанье руку, к общему удивлению, шепнул:

— Но, Мюнхгаузен, без этих легкомысленных проделок!.. Вы знаете, что стоит на карте!..

Я скрестил в ответ руки на груди и молча поклонился. Ну, султан знал, что этот жест должен значить, и всемилостивейше смотрел нам вслед, пока мы не пристали к берегу на той стороне, в Азии, и не разместились на верблюдах, чтобы продолжить путешествие в Каир.

По пути мне представился случай увеличить и без того уже чересчур многочисленный штат моих сопровождающих еще несколькими весьма ценными личностями разного сорта. В Европе я объездил не одну сотню миль, но никогда не встречал таких чудесных людей, как тут всего лишь в течение нескольких дней.

Отъехав всего несколько миль от Константинополя, я увидел человека не выше среднего роста и очень худощавого, который приближался к нашему каравану с необыкновенной быстротой, хотя к каждой его ноге была привешена свинцовая гиря приблизительно пуда в полтора весом. Это было уже чересчур!..



— Эй, приятель! — крикнул я ему. — Куда ты так торопишься? И почему ты сковываешь бег этими гирями?

— Я — из семьи скороходов, — отвечал молодой человек. — Говорят, что ни у кого из нас нет селезенки; по крайней мере я никогда еще не слыхал, чтобы у кого-нибудь из нас кололо в селезенке, как у других людей. А гири я привесил для того, чтобы умерить свою скорость, потому что часа два назад я убежал из Алжира, где служил у бея в скороходах… Сегодня утром он приказал мне догнать и привести к нему вчерашний день! Для меня это была вещь невозможная, и когда я, утомленный тщетными усилиями, вернулся к полудню — который уже возвестили ударами в литавры и тимпаны — во дворец, алжирский бей приказал уволить меня со службы и изгнать из его страны… Я взял в руку кусок хлеба, сунул в карман две мерки яблок и, привязав к ногам гири, пустился в путь — я хотел идти медленно, так как сегодня рассчитываю добраться только до Константинополя. Через полчасика я, наверное, буду там и поищу себе новое место…

Я пришел в восторг от его рассказа и спросил его, не хочет ли он поступить на службу ко мне?..

Мне хотелось принять его, а он искал место, поэтому мы быстро сговорились, и я дал ему верблюда; но время от времени он соскакивал на землю, быстро пробегал несколько миль вперед и затем поспешно возвращался к каравану. Он делал это только для того, чтобы не потерять навыка…

Это, господа, был первый. В тот же день, после полудня, я встретил еще двух столь же удивительных субъектов. Один из них лежал неподалеку от дороги, по которой мы ехали, на поросшем травой откосе. Сперва мы подумали, что он от явного удовольствия подмигивает глазами, как человек, имеющий игривый нрав.

— Что ты там слушаешь, дружище? — спросил я его.

— Я? — переспросил он. — Чтобы убить время, я слушаю, как трава растет!

— Неужели? Ты это умеешь?

— Это для меня пустяк! Я могу слышать еще не такие вещи!

— Ну, так поступай ко мне на службу, дружище! Как знать, что еще придется выслушивать!

Острослух быстро вскочил с земли и присоединился к нам. Это был второй!

Час спустя мы встретили охотника, стоявшего с ружьем на плече, который как будто прострелил дырку в облаке и приподнялся на цыпочки, словно желая получше рассмотреть ее.

— Эй, парень! — крикнул я ему. — Во что же ты стреляешь? Я ничего не вижу, кроме пустого воздуха.

— О, я пробую новое кухенрейтеровское ружье. На шпиле Страсбургского собора сидел воробей, и я сейчас застрелил его… Неплохо стреляет ружьецо!..

Всякий, кто знает мою страсть к благородному занятию стрельбой и охотой, найдет совершенно в порядке вещей, что я, не скрывая восхищения, бросился на шею превосходному стрелку, и он тотчас же поступил ко мне на службу… Это был третий! Такой стрелок всюду понадобится!

Вечером мы как можно раньше останавливались в караван-сараях, чтобы дать время моему новому егерю порассказать нам о своих, в самом деле чрезвычайно замечательных, охотничьих приключениях.

Когда мы проезжали спустя некоторое время мимо горы Ливана, на ней стоял дюжий, коренастый мужик и тянул за веревку, которой он опутал целый кедровый лес.

— Что ты тут делаешь, дружище?..

— Мне надо привезти лесу для постройки, а топор я забыл дома. Нужно теперь помочь горю как умею. Отойдите, пожалуйста, от тех деревьев: они сейчас упадут.

И силач в одно мгновение повалил на моих глазах сразу целую рощу, словно это была связка тростника.

Но нечего говорить вам, что произошло дальше; я не выпустил бы из рук этого детины, хотя бы мне это стоило всего моего посольского содержания. Это был четвертый…

Примерно неделю спустя мы перевалили через египетскую границу; тут над нами вдруг разразилась буря, чуть не оторвавшая нас вместе с нашими верблюдами от земли. По одну сторону дороги стояло семь ветряных мельниц, крылья которых вертелись с такой быстротой, как веретено в руках самой проворной пряхи, а справа от дороги стоял толстяк, зажимавший указательным пальцем свою правую ноздрю…

Как только он увидел, что мы едва можем бороться с вихрем, он повернулся к нам лицом и почтительно снял перед нами шляпу.

Моментально наступило полнейшее безветрие, и все семь мельниц тут же замерли.

— Что такое? — воскликнул я, вне себя от изумления. — Черт сидит в тебе, или ты сам и есть черт?

— Извините, ваше превосходительство, — ответил толстяк. — Я делаю слабенький ветерок для моего хозяина, мельника, а чтобы не сорвать с места мельницы, мне пришлось зажать одну ноздрю…

— Вот как? А какую плату получаешь ты от своего хозяина?

Он назвал небольшую сумму, и тогда я сказал:

— Ну, я дам тебе ровно в десять раз больше! — И этот пятый также поступил ко мне на службу.

Так мы прибыли в Каир, и в четырехнедельный срок я благополучно уладил свои дела, добившись даже больше того, чего желал и на что надеялся турецкий султан. Это произвело чрезвычайно сильное впечатление на западноевропейские державы, и мне очень жаль, что я не смею сообщить вам более подробные сведения.

Счастливо доведя до конца переговоры, я отпустил всю свою свиту и послал ее в Константинополь с депешами к султану, оставив при себе только пятерых новых слуг, а сам решил предпринять для собственного удовольствия поездку по Нилу в качестве частной персоны.

Десятый вечер

Опасная поездка по Нилу. Мюнхгаузен несколько недель живет на миндальном дереве, бьется об заклад с султаном, выигрывает заклад и вместе с ним — сокровищницу султана. Раскаяние султана и тщетная погоня за Мюнхгаузеном.

— В Каире я ни с кем не обмолвился ни словом о задуманной мной поездке по Нилу, о которой я упомянул в последний раз, господа, друзья и товарищи, иначе меня, наверное, предупредили бы о том, что в это время ежегодно Нил, разливаясь, выходит из берегов. Нанятые лодочники, убедившись лишь в том, что взятой провизии хватит нам всем надолго, также ничего не сказали о стихии. Мы тронулись в путь, и несколько дней все шло прекрасно.

На четвертый или пятый день я заметил, что воды Нила приняли странный красноватый цвет и стали выступать из берегов.

Спустя еще один день Нил настолько вздулся, что не успело солнце закатиться, как вода залила землю и справа, и слева от нас на целые мили… Часом позже наша барка наскочила на какой-то предмет, который мы приняли в темноте за плетень или фашину. Мы засели основательно и решили спокойно ждать до следующего утра. На рассвете мы увидели, что окружены совершенно спелыми миндальными превосходными орехами, которых оказалось невероятное количество, и это представляло немалую удачу для нас.

Брошенный лот показал, что мы находились более чем на шестьдесят футов над землей и не могли двинуться ни вперед, ни назад. Спустя несколько часов поднялся сильный ветер, опрокинувший нашу барку на бок, причем она зачерпнула воды и затонула со всеми припасами.

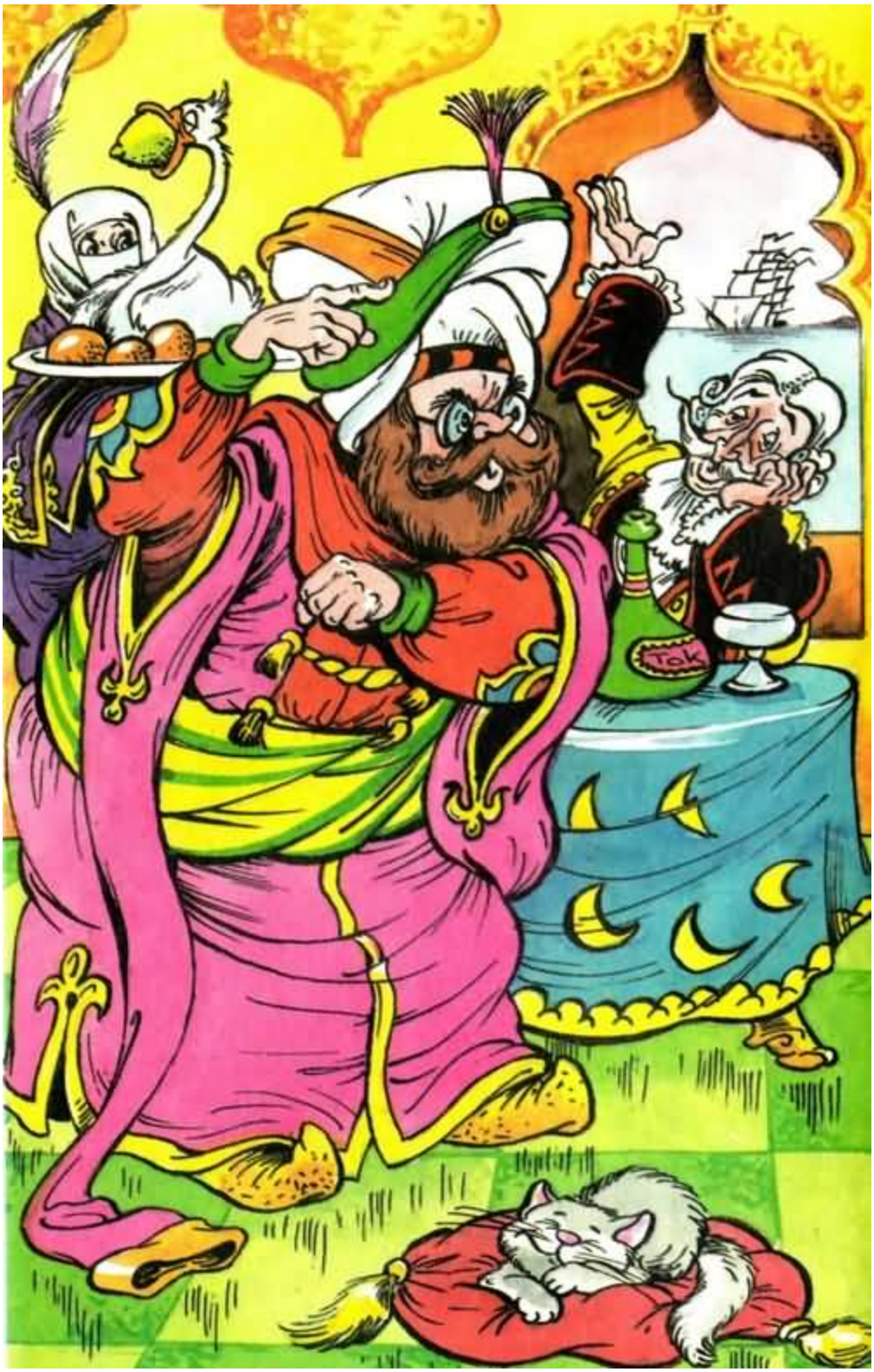
Счастье еще, что у нас был миндаль, не давший нам умереть голодной смертью, и что все мы — а нас было восемь мужчин и два мальчика — могли спастись на ветвях деревьев, где нам пришлось просидеть пять с половиной недель, пока вода не спала настолько, что мы увидели наконец под нашим деревом землю, покрытую илом, и нашу барку, находившуюся на расстоянии около двухсот саженей от

того места, где она затонула. Мы с радостными возгласами спустились с дерева и по скользкому илу добрались до барки. Некоторые продукты были совершенно испорчены водой, но часть запасов сохранилась довольно хорошо, и наскоро приготовленный обед показался нам необыкновенно вкусным после нескольких недель питания одним миндалем. По нашему расчету, нас угнало на сто семьдесят три мили от ближайшего жилья.

Когда мы добрались наконец, после долгого путешествия пешком, до берега Нила, который уже вошел в свое обыкновенное русло, мы получили от одного бея другую барку и дней через шесть прибыли в Александрию, откуда тотчас же отплыли в Константинополь. Мне стоило очень большого труда заставить наших лодочников принять, кроме стоимости погибшей барки, еще денежный подарок: они считали себя совершенно осчастливленными тем, что просидели целых шесть недель на одном дереве со славным Мюнхгаузеном и питались, как и я, миндалем… Вот как много значит даже в чужих странах носить знаменитое имя…

Вы, конечно, не будете изумлены, друзья и товарищи, если я вам скажу, что, блестяще выполнив данное мне поручение в Египте, я попал в еще большую милость у султана, чем прежде.

Если вам придется, к примеру, встретиться на Лейпцигской ярмарке с настоящим мусульманином (большая часть их — поддельные, так называемые белые арапы), то можете испытать его: попробуйте только спросить его о господине Мюнхгаузене, и если он — настоящий, то непременно расскажет вам подробно о моей дружбе с султаном, потому что об этом известно во всей Турции.



Его высочество положительно не мог обходиться без меня; я каждый день должен был с ним обедать и ужинать и охотно сознаюсь, что из всех монархов самые утонченные и изысканные блюда я

отведал лишь у турецкого султана. Разумеется, я говорю только о кушаньях, потому что вино, как вам известно, запрещено поклонникам Магомета. Поэтому за парадными турецкими обедами вино никогда не подается. Зато после этого его высочество ждала обыкновенно в кабинете бутылочка отменного хорошего напитка, и он, удаляясь в свои апартаменты, часто приглашал меня дружеским жестом следовать за ним.

Однажды, когда я шел с ним по такому приглашению, султан шепнул мне:

— Мюнхгаузен, сегодня мы отведаем что-то бесподобное! Я знаю, вы, христиане, понимаете толк в винах, и прошу вас сказать мне по совести, какого вы мнения о нем. Это последняя бутылочка токайского, которое я получил в подарок от одного венгерского магната. Ну, как вам нравится винцо? Ага?

— Да, ваше высочество, — сказал я, — это недурной сорт… действительно! Однако…

— Стойте, стойте, Мюнхгаузен! Не хвастайте! Или вы в самом деле хотите сказать, что пивали когда-нибудь вино лучше этого?

— Ваше высочество, мне не нужно уверять вас, что правда для меня дороже всего на свете, и потому я прошу смилостивиться, если я скажу, что в Вене, у покойного императора Карла Шестого, выпил не одну бутылку такого токайского, сравнительно с которым это вино кажется самой обыкновенной кислятиной.

— Ого, любезнейший! Это — настоящее токайское!

— Да, ваше высочество! Но так называемое токайское и настоящее токайское — это большая разница! Не желает ли ваше высочество побиться об заклад? Я берусь через час доставить прямо из императорского погреба бутылку токайского, которое понравится вам несравненно больше.

— Мюнхгаузен! Вы мелете вздор!..

— Нет, не вздор! Ручаюсь своей головой! Берусь через час доставить такое токайское, с которым это вино нельзя и сравнить…

— Ну, ладно! Согласен! Но если ровно в четыре часа вина не будет здесь, вы заплатите мне головой: я не позволю дурачить себя даже своему лучшему другу! Зато, если вы выиграете заклад, вы можете взять из моей сокровищницы столько золота, жемчуга и

драгоценных камней, сколько в состоянии унести самый сильный человек.

«Это дело!» — подумал я и попросил перо, бумагу и чернила, чтобы написать австрийской императрице Марии Терезии письмо следующего содержания:

Ваше величество как единственная наследница Вашего в бозе почивающего батюшки получили в наследство и его погреб. Смею ли я просить у Вас через подателя сего бутылку того токайского, которое я часто пивал у Вашего батюшки? Но только самого лучшего сорта! Речь идет об одном закладе. В свою очередь я охотно готов служить за это всем, чем могу, и остаюсь… и т. д.

Так как было уже пять минут четвертого, то я тотчас отдал эту записку, даже не запечатав ее, моему скороходу, которому пришлось отвязать гири и немедленно отправиться пешком в Вену.

Затем султан и я, в ожидании лучшего вина, допили его бутылку.

Пробило четверть четвертого, затем половина четвертого, потом и три четверти четвертого, а скорохода все еще не было видно. Сознаюсь, у меня уже начало щемить сердце: мне показалось, его высочество стал уже посматривать на шнур от звонка, чтобы послать за палачом. Правда, я еще получил разрешение выйти в сад, чтобы подышать свежим воздухом; однако — что мне показалось в высшей степени подозрительным — за мной шло по пятам несколько человек прислуги, не спускавших с меня глаз.

Объятый страхом, я послал за моим стрелком и острослухом, и они явились, когда стрелки уже показывали без пяти минут четыре и часы уже собирались бить.

Острослух растянулся на земле и сообщил, что хотя моего скорохода и не слышно, но он, по-видимому, лежит где-то далеко на земле и спит, так как ясно можно различить его храп.

Мой честный стрелок быстро взбежал на высокую террасу и воскликнул:

— Клянусь спасением души! Этот лентяй разлегся под дубом около Белграда, и рядом с ним — бутылка. Подожди же! Мы тебя разбудим! — С этими словами он выпустил полный заряд своего кухенрейтеровского ружья в вершину дерева, так что на спящего посыпался целый град желудей, веток и листьев. Скороход тут же вскочил на ноги и, схватив бутылку, побежал и, разумеется, до четырех

часов явился с ней и с собственноручной запиской императрицы Марии Терезии к дверям покоев султана.

Султан поклонился мне в знак признания моей правоты; когда же он попробовал вино, то заключил меня в объятия и сказал, продолжая причмокивать губами:

— Мюнхгаузен, не сердитесь, если я приберегу эту бутылочку для себя одного. С вашими связями в Вене вы сумеете заполучить для себя этот божественный напиток!

Тут он запер бутылку в шкафчик, сунул ключ в карман и позвал своего казначея. Последний тотчас же явился, и султан, у которого также «слово — олово», сказал казначею:

— Вы знаете господина Мюнхгаузена, но даже не представляете, какие громадные услуги оказал он турецкому государству… Поэтому прикажите отпустить моему другу из моей сокровищницы, в награду за его заслуги и как слабый знак моей благодарности, столько золота, жемчуга и драгоценных камней, сколько сможет донести самый сильный человек. Мюнхгаузен заслуживает этого!

Казначей склонился перед своим повелителем. Я велел позвать силача, и, пока остальные мои слуги распоряжались в гавани,

приготовляя к отплытию самый большой корабль, мы пошли следом за казначеем в сокровищницу. Здесь мой силач сложил в один тюк все, что там находилось, — решительно все — и, обвязав этот необъятных размеров тюк пеньковой веревкой, взвалил его себе на плечи. Мы поспешно направились к гавани, а тем временем казначей побежал к султану и с отчаянием рассказал ему, что мой слуга утащил всю наличность казначейства!.. Султан нашел, что это чересчур неудачная шутка, и весьма пожалел о своем необдуманном обещании… Он никак не воображал, что такое возможно!.. Главному адмиралу был отдан приказ немедленно снарядить весь флот и без промедления послать его вдогонку за моим кораблем, крепким генуэзским судном… За ночь мы давно уже прошли пролив Дарданеллы и большую часть Эгейского моря. На следующее утро мы шли между берегом Греции и островом Крит и находились уже в Средиземном море, когда показались многочисленные паруса преследующего нас турецкого флота. Это вызвало в нас некоторую тревогу за благополучный выход из столь затруднительного положения.

Тут ко мне подошел мой ветрила и принялся утешать меня:

— Не пугайтесь, ваше превосходительство! Мы сейчас отбросим их туда, откуда они явились!

С этими словами он встал на палубе корабля, около штурвала, таким образом, что его правая ноздря была обращена к туркам, а левая — к нашему парусу. И вдруг навстречу гнавшимся за нами кораблям задул такой ураган, что их мачты, паруса и снасти затрещали, а их самих разбросало в разные стороны и откинуло далеко назад, в то же время наш корабль с неисчислимыми сокровищами в несколько часов добежал до Италии. А как на мне оправдалась пословица: «Что легко наживается, то легко и проживается», — об этом я расскажу вам в следующий раз.

Одиннадцатый вечер

В Италии барон Мюнхгаузен остается без своих турецких сокровищ, кроме исторической драгоценности — пращи Давида, которой отец барона выбил однажды морскому коньку оба глаза. Быстрый пробег на этом коньке через Дуврский пролив в Кале. Мюнхгаузен бросает в море триста двадцать шесть пушек и сжигает лафеты. Последняя служба пращи. Мюнхгаузена выстреливают во время сна из пушки в стог сена, и он просыпается там лишь через три месяца.

— В последний вечер я рассказал вам, как я бежал с турецкой казной в Италию. Прибыв в Бриндизи, я оказался, самым богатым человеком в Европе; но всевозможные плуты и обманщики постарались в несколько недель освободить меня от части моего состояния, а остальное отняли у меня разбойники, в буквальном смысле слова раздевшие в Абруцци до рубашки и меня, и всех моих спутников. К счастью, в шерстяной фуфайке, которую я носил на голом теле, был потайной карман, а в нем спрятана пригоршня драгоценных камней и жемчуга. Алчные глаза бандитов проглядели их во время грабежа, а один римский ювелир дал мне за них несколько сотен тысяч золотых монет. Это все еще довольно крупное состояние я разделил между пятью моими слугами — стрелком, острослухом и прочими, отпустив их со службы на все четыре стороны. Себе я оставил лишь небольшую сумму на путевые расходы, желая посетить теперь же в Гибралтаре моего старого друга, генерала Эллиота.

Из всех драгоценностей, похищенных у меня разбойниками в Абруцци, они оставили мне только одну вещь, которую бросили, как не имеющую никакой цены и ни к чему не пригодную, — именно видавшую виды пращу, которая еще послужила будущему царю Давиду в борьбе с великаном Голиафом. Эта праща, бывшая раньше, правда, в лучшем состоянии, однажды оказала большую услугу моему отцу, когда он был в Англии и гулял по морскому побережью близ Дувра.

Дело было так. Мой батюшка шел вдоль берега гавани, глубоко задумавшись о предстоявшей ему вскоре поездке во Францию, и размышлял, какое бы выбрать судно из стоявших наготове к отплытию, как вдруг на него бросился со страшной яростью морской конек. Батюшка обшарил все карманы, ища какое-нибудь оружие, и так как не нашел там на этот раз ничего, кроме упомянутой пращи, то вложил в нее два гладких кремня и так ловко метнул их в голову чудовищу, что каждым камнем выбил ему по глазу. Совершенно ослепшее животное сразу стало совсем ручным и тихим, позволило сесть на себя и отвезло моего отца в лавку седельника, причем праща служила в качестве узды. Отец купил седло, надел его на конька и помчался на нем по морю прямо в Кале, на что ему понадобилось лишь час и десять минут. Морской конек, представлявший собой, кстати сказать, игру природы, то есть за исключением плавательных перепонок и странной гривы походивший на придворную пегую лошадь турецкого султана, не плыл, а бежал с невероятной быстротой по морскому дну, гоня перед собой миллионы самых разнообразных рыб.

В Кале отец продал морского конька хозяину гостиницы «Три кубка» за ничтожную сумму — девятьсот червонцев, и оборотистый хозяин до сих пор еще показывает его за деньги и зарабатывает на нем

больше, чем на своей гостинице. В Париже мой отец заказал искусному придворному художнику короля написать картину, изображающую его самого, морского конька и морских чудовищ, встречавшихся ему во время переезда через пролив. Быть может, вы уже видели эту картину. Она висит в моей спальне…

В Гибралтаре я едва успел отпраздновать встречу с моим другом Эллиотом и пройтись по валам, чтобы взглянуть на состояние гарнизона и осадные работы неприятеля, как мне помог сделать удивительное дело зеркальный телескоп Доллонда, который я купил в Риме у одного корабельного капитана, очень нуждавшегося в деньгах. Я обнаружил с помощью этого замечательного прибора, что осаждающие собирались выстрелить из тридцатишестифунтового орудия в тот бастион, на котором мы находились в это самое мгновение. Я на всех парах подбежал к ближайшей пушке — сорокавосьмифунтовому орудию, когда испанский канонир поднес к затравке фитиль, и я скомандовал: «Пли!..» Оба орудия выстрелили одновременно, и оба ядра встретились друг с другом приблизительно на полпути.

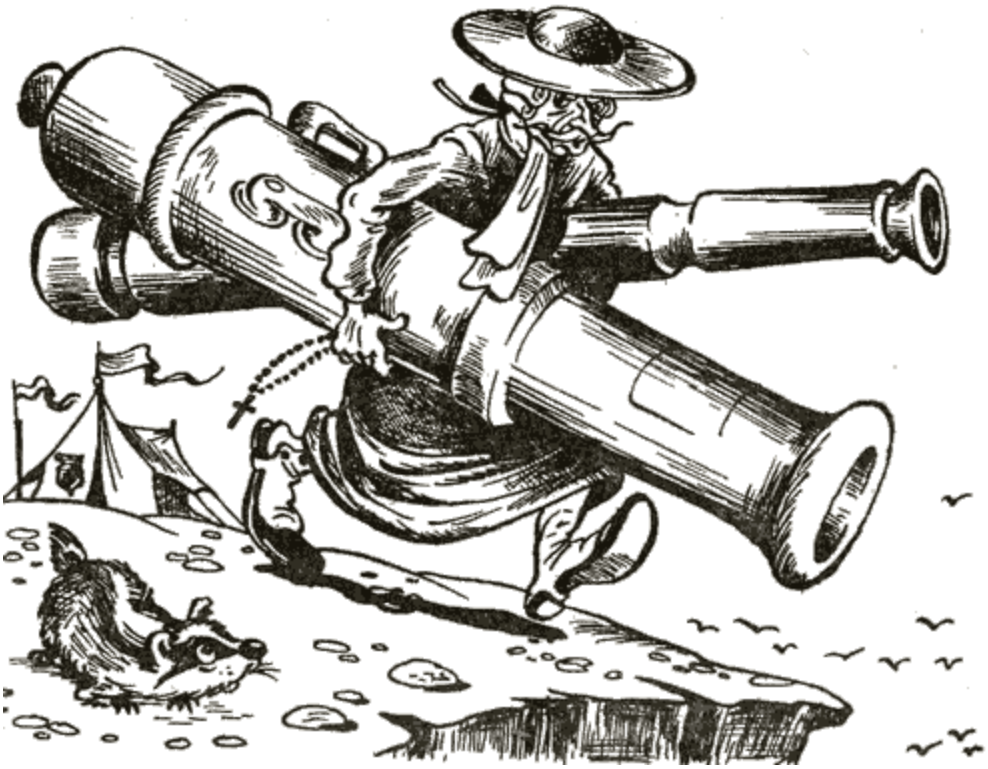
Наше сорокавосьмифунтовое ядро попало так точно в тридцатишестифунтовое, что последнее было отброшено назад, оторвало голову канониру с фитилем, сбило мачты трех кораблей, плывших в то время рядком под парусами мимо крепости, затем пролетело через весь Гибралтарский пролив и еще несколько миль — над Африкой. Наше же ядро, отбросив назад ядро неприятеля, продолжало свой путь, сбило с лафета пушку, которая выстрелила по нам, и с такой силой швырнуло ее на корабль, что та тотчас же пробила ему дно, и корабль ушел под воду с тысячью испанских матросов и несколькими сотнями сухопутных солдат, которые, разумеется, все погибли… За эту услугу генерал Эллиот предложил мне офицерскую должность, но я с благодарностью отклонил эту честь, и потому в следующем номере военной газеты была напечатана благодарность мне, и всем караулам было приказано отдавать мне воинские почести.

До сих пор еще никому не известно, кто собственно спас тогда Гибралтар, и, открывая вам сейчас эту тайну, я рассчитываю на вашу скромность и надеюсь, что вы не будете никому этого пересказывать…

Однажды, поздним вечером, около полуночи я, воспользовавшись кромешной темнотой, тайком прокрался в неприятельский лагерь,

переодевшись католическим священником, и вошел в палатку графа Артуа, где он как раз в это время собрал военный совет с участием главнокомандующего и всех высших офицеров для обсуждения назначенного на рассвете штурма крепости. Все имеющиеся орудия решено было, как только предрассветные сумерки дадут хоть немного света, направить на определенную точку, а при первых солнечных лучах выпалить по возможности одновременно из более чем трехсот пушек утренний салют и прервать сон осажденных. Когда через несколько часов, примерно около полудня, благодаря бомбардировке одной и той же точки, образуется брешь, с противоположной стороны Гибралтара будет произведена ложная атака, а затем все главные силы проникнут через это слабо защищенное место в крепость.

Благодаря своему костюму я слышал все эти разговоры, и когда военный совет окончился и все улеглись спать, я все еще бродил по лагерным улицам между палатками и раздумывал, как бы помешать выполнению неприятельского плана. Я с радостью заметил, что весь лагерь спит глубоким сном, даже и часовые, которые, вместо того чтобы бодрствовать на своих постах, набирались во сне сил для завтрашнего боя.



Но как лучше всего предотвратить грозящую беду? Понятно, надо помешать обстрелу крепости, а этого, само собой разумеется, можно было достигнуть, если испортить или удалить все орудия. Последнее, пожалуй, даже легче устроить. Как раз пробил час! Но не будет ли это слишком тяжелая задача для одного человека? Я прокрался на одну из батарей, поднял потихоньку с лафета самую большую и тяжелую пушку и бросил ее в море на расстояние миль около трех. Если это удалось проделать с самой большой и тяжелой пушкой, то с орудиями меньшей величины и меньшего веса работа шла еще лучше, но все-таки задача в общем была трудновата, потому что есть предел всякому терпению! А тут было триста двадцать шесть орудий, не считая мортир, которых я не смог выбросить, так как у меня не хватило времени. Наконец я свалил в одну кучу все лафеты, бросил сверху провиантские повозки и пороховые ящики и поджег этот громадный костер величиной с дом. Чтобы снять с себя всякое подозрение, я одним из первых забил тревогу. Страшный ужас охватил весь лагерь, особенно при взрывах пороховых ящиков.

По общему мнению, в лагерь должны были проникнуть из крепости по меньшей мере шесть или семь полков, чтобы уничтожить всю артиллерию. Тут же арестовали всех часовых, потому что все они, без сомнения, были подкуплены, иначе они непременно заметили бы врага и подняли бы в лагере тревогу. Граф Артуа в панике бежал со всеми своими людьми. Ни разу не останавливаясь, они одним духом пробежали четырнадцать дней и четырнадцать ночей, вплоть до самого Парижа, и от страха, потрясшего их желудки при этом жутком пожаре, они целых три месяца не могли проглотить ни малейшей крошки и должны были жить одним воздухом!..

Недель шесть-семь спустя я сидел однажды утром за завтраком у генерала Эллиота, как вдруг в комнату влетела бомба и упала на стол. Я быстро бросился к ней, вырвал запал и, держа бомбу в руке, спокойно пошел на вершину скалы. Тут я увидел неподалеку от лагеря довольно большую толпу людей и с помощью моего телескопа убедился, что там поставлена виселица, на которой собирались повесить, как шпионов, двух захваченных в плен английских офицеров, прокравшихся ночью в лагерь.

— Ну, подождите же! — воскликнул я. — Теперь и я поговорю с вами!

И так как они находились слишком далеко, чтобы можно было добросить до них бомбу невооруженной рукой, то я вспомнил о праще Давида, вложил в нее бомбу с вставленным новым фитилем и бросил ее как раз на то место, где люди толпились вокруг виселицы. Бомба упала среди них и тотчас же разорвалась. Все стоявшие рядом конечно же были убиты, кроме двух англичан, за секунду до взрыва вздернутых на воздух. Крупный осколок бомбы ударил как раз в основание виселицы — она рухнула и прибила палача, а оба английских офицера упали, полузадушенные, на землю. Однако один из них быстро пришел в сознание и освободил себя от пенькового галстука, а потом вовремя оказал такую же услугу товарищу. Затем оба они осмотрелись по сторонам. Все, кто стояли рядом во время казни, были мертвы! Но из лагеря бежала с громкими криками и недвусмысленными жестами разъяренная толпа. У господ англичан не было, разумеется, никакой охоты дожидаться их.

Они поспешно помчались к берегу, бросились в испанскую лодку, стоявшую там, и заставили сидевших в ней двух моряков грести к одному из наших кораблей. Это был единственный случай, когда я пустил в ход ту пращу, и так как она стала уже очень ветха, то совершенно развалилась при этом. Большой кусок ее полетел вместе с бомбой, а маленький обрывок, оставшийся в моей руке, лежит теперь в нашем семейном архиве вместе с другими замечательными древностями. Если вы почтите меня в ближайшем будущем вашим посещением, я охотно покажу вам все семейные достопримечательности…

Вскоре после этого я покинул Гибралтар и направился в Англию. Там случилось со мной одно из самых странных событий во всей моей жизни.

Однажды — это было как раз четвертого июня — я приехал в Уаппинг, чтобы присмотреть за погрузкой на корабль разных вещей, которые мне надо было отправить в Гамбург. Обратный путь я решил проделать вдоль корабельных верфей, а так как я устал до полусмерти, к тому же солнце пекло нещадно, и искал какого-нибудь тенистого местечка, чтобы отдохнуть немного, то я забрался в одну из стоявших там больших пушек. Это был как раз день рождения короля, и все пушки утром зарядили порохом, чтобы ровно в час дня произвести салют. Ничего не подозревая, я в ту же минуту погрузился в пушечном

дуле в глубокий сон. Ровно в час явился канонир, вставил в затравку запал и приложил фитиль. «Бум!» — грянул выстрел, и ваш друг Мюнхгаузен полетел вперед головой через Темзу, которая, однако, раз в шесть шире Эльбы у Гамбурга, и на другом ее берегу уткнулся головой в огромный стог сена. Меня сперва оглушило, но даже это состояние не прервало моего крепкого сна, и я спокойно продолжал похрапывать в стоге сена. Вероятно, я спал бы там и по сей день, если бы спустя три месяца не вздумали отвезти сено на рынок и при этом меня разбудили…

Мне часто случалось замечать, что мои слушатели, когда я рассказывал эту историю, выражали на лицах некоторое недоверие. Однако грушевое дерево, растущее около стога, служит неоспоримым доказательством того, что я действительно проспал три месяца: эти деревья цветут обыкновенно в начале июня, а когда я проснулся, оно было сплошь увешано самыми спелыми, сочными грушами, и я тотчас же съел несколько штук с превеликим аппетитом. Вы легко можете представить себе изумление моих лондонских друзей, тщетно разыскивавших меня целых три месяца, когда они увидели своего друга возвращающимся целым и невредимым в том же летнем платье среди по-осеннему хмурого сентябрьского дня.

Двенадцатый вечер

Путешествие по Северному Ледовитому океану. Мюнхгаузен убивает тысячу белых медведей. Знаменитая легавая собака чует живых куропаток в желудке акулы. Морское чудовище проглатывает целый корабль. Счастливое спасение из его желудка. О подземном водном пути в Каспийское море. Крепкое рукопожатие с медведем. Отъезд в Персию.

— Не знаю, господа, друзья и товарищи, слыхали ли вы о последнем научном путешествии по Северному Ледовитому океану капитана Фиппса — ныне лорда Мюльгрева. Я сопровождал капитана в этом путешествии — не в качестве офицера, а как его друг. Мы миновали уже Шпицберген и почти две недели не видели суши, а только небо и воду, да на некотором расстоянии от нас — колоссально высокие ледяные горы, которые были, наверное, раза в три выше, чем наши самые длинные мачты, — когда я взял свою подзорную трубу… Кстати сказать, я всегда считал полезным время от времени осматриваться вокруг, особенно в путешествиях.

Ближайшая к нам ледяная гора находилась приблизительно в полумиле от нас. Я заметил на ней двух больших белых медведей. Когда мы подплыли к этой горе, я взял ружье и тронулся в путь; но чем ближе продвигался я к вершине, тем невыразимо тяжелее и опаснее становилась дорога. Скоро мне пришлось перепрыгивать через страшные пропасти, затем, постоянно падая и снова поднимаясь на ноги, четверть часа безостановочно вползать по гладким, как зеркало, покатым склонам, и прошло много времени, прежде чем мне удалось добраться до медведей, которые, однако, не дрались, а совершенно мирно играли друг с другом…

Тут только я увидел, что каждый из них был величиной по меньшей мере с доброго, хорошо откормленного быка. Я уже оценивал стоимость их шкур и только что прицелился, как правая нога моя соскользнула, и я полетел кувырком вниз. От сильного удара я потерял сознание, а когда снова пришел в себя, вероятно, через полчаса, то оказался не в особенно приятном положении. Одно из чудовищ,

очевидно, перевернуло меня лицом вниз и как раз в этот момент схватило зубами застежку моих кожаных брюк. Ситуация не из приятных! Кто знает, куда утащила бы меня эта бестия, но я вынул из кармана складной нож — тот самый, который вы здесь видите, — и отрубил три пальца на левой задней ноге медведя. Как я и ожидал, зверь тотчас же бросил меня и страшно заревел. Я быстро схватил ружье, лежавшее лишь в двух шагах от меня, и вогнал медведю в сердце два лота свинца, так что он сразу упал мертвым на землю, вернее, на лед… Однако, отправив на тот свет одно из этих кровожадных животных, я тем же выстрелом разбудил несколько сотен других, спавших на льду в полумиле вокруг. И скоро они начнут собираться со всех сторон… Нельзя было терять времени, и мне несдобровать, если не придумаю какого-нибудь средства спасения.

Ну, и что же я сделал?..

Примерно за такое же время, сколько нужно набившему руку охотнику, чтобы снять шкуру с зайца, я содрал с мертвого медведя его шубу и сам влез в нее, причем моя голова пришлась как раз под его головой… Едва я успел перерядиться, как подошли сначала десятка два медведей, а через несколько минут собралась и вся стая!

Меня бросало то в жар, то в холод в моей шубе, однако моя уловка удалась превосходно…

Все эти бестии рычали и ревели вокруг меня, обнюхивая то меня, то ободранный труп своего собрата… Однако, должно быть, все, по их мнению, обстояло благополучно, хотя и было несколько удивительно, потому что они всевозможными знаками приглашали меня принять участие в их играх… Ну я, как умел, старался подражать всем их манерам и движениям и при этом соображал, что теперь делать и как отвязаться от непрошеного общества.

Тут я вспомнил, как один старый фельдшер рассказывал мне, что перелом спинного хребта приводит к мгновенной смерти… Это надо попробовать! Я снова взял в руку нож и вонзил его самому крупному медведю в шею.

Вы правы, если подумали сейчас: «Какой отчаянный поступок!..» Конечно, и мне в тот момент стало очень страшно: несомненно, переживи только чудовище мой удар, я был бы растерзан в клочки! Однако моя попытка блестяще удалась. Медведь упал к моим ногам, не охнув.

Оставалось, значит, только тысячу раз повторить тот же удар… К счастью, незадолго перед тем я плотно позавтракал. Итак, я со свежими силами принялся за работу, и хотя то справа, то слева беспрестанно падали трупами один мишка за другим, тем не менее на

остальных это не производило никакого впечатления… Наконец я уложил последнего — и стал, как Самсон, расправившийся с тысячей филистимлян!..

Закончу вкратце: после этого я вернулся на корабль и привел с собой на поле боя три четверти его экипажа, чтобы снять с медведей шкуры и перенести на палубу окорока и меха. Мы кончили работу лишь к солнечному закату, и капитан Фиппс жалел, что не мог принять более деятельного участия в геройских подвигах этого медвежьего дня.

Другое морское плавание я совершил в Ост-Индию с капитаном Гамильтоном. Тогда со мной была превосходная легавая собака, и в один прекрасный день, когда мы только заговорили о том, что по последним наблюдениям и измерениям мы находимся на расстоянии по меньшей мере трехсот миль от ближайшей суши, я должен был обратить внимание господ офицеров на мою собаку, которая еще час назад обнаружила присутствие дичи где-то поблизости. Из этого я заключил, что, вопреки лоции и всему прочему, мы должны быть неподалеку от земли, но мои слова были встречены общим хохотом. Однако это нисколько не поколебало у меня доверия к моей собаке, и я предложил капитану побиться об заклад на сотню гиней, что мы в течение получаса найдем дичь. Капитан, предобрейший человек, засмеялся и шепнул судовому врачу:

— Мюнхгаузен сошел с ума. Я не могу принять такого пари.

Доктор на это возразил тоже шепотом, но настолько громким, что я мог все слышать:

— Нет, капитан! Он совершенно здоров, но доверяет чутью своей собаки большее, чем разуму всех ваших офицеров… Он, разумеется, проиграет, да и поделом.

— Тем не менее, — сказал капитан, — с моей стороны было бы не совсем честно согласиться на такое пари. Впрочем, тем больше будет для меня чести, когда я потом верну ему деньги.

Тем временем поведение моей собаки еще больше укрепило меня в моей правоте, и, когда я вторично предложил пари, Гамильтон принял его. Но едва мы уговорились и ударили по рукам, как сидевшие с удочками матросы вытащили из воды громадную акулу. Собака стала крайне беспокоиться, и я сказал коротко:

— Ну, вот вам и дичь!..

И действительно, когда вспороли акуле брюхо, в ее желудке оказалось шесть пар живых куропаток! Бедные животные так долго были в заключении, что одна из самок уже сидела на семнадцати яйцах, и из одного вылупился цыпленок как раз в то время, когда птичек извлекли на свет Божий. Мы воспитывали этого птенчика вместе с котятами, родившимися за несколько минут до того. Во время этого плавания у нас никогда не было недостатка в свежей дичи, потому что та или другая куропатка постоянно высиживала новое потомство…

Несколько недель спустя мы пересекли с полагающимся по этому случаю торжеством экватор милях в ста к западу от Суматры и направились затем прямо на север, в сторону Калькутты и Бенгальского залива. Тут число окружавших нас крупных морских чудовищ возросло в такой поразительной степени, что эти небывалых размеров рыбины стали стеснять движение нашего корабля. Одно из этих животных было так громадно, что мы не могли рассмотреть его во всю длину даже в подзорные трубы. К несчастью, мы заметили это чудовище только тогда, когда уже было невозможно избежать встречи с ним среди кишмя кишевших китов и других морских животных. Мы видели, как этот гигант подплывал к нам все ближе и ближе, — и вдруг он раскрыл пасть и втянул наш корабль со всеми мачтами и распущенными парусами между своими исполинскими зубами, сравнительно с которыми грот-мачта величайшего военного судна показалась бы маленьким прутиком.

Я положительно солгал бы, если бы вздумал утверждать, что пребывание в его пасти было в каком-нибудь отношении приятно, — а всем известно, что для меня невозможно произнести хотя бы маломальскую неправду… Я думаю, что такое отвращение ко лжи всегда было уделом нашего рода, потому что я знаю многих родственников, которых схватывают жесточайшие судороги каждый раз, как в их присутствии кто-нибудь произнесет хотя бы самую ничтожную ложь. Я сам обыкновенно испытываю сильнейшие припадки морской болезни, как только мне приходится попасть в общество любителя приукрасить свои приключения…

После краткого пребывания в пасти чудовища мы заметили, что оно снова раскрыло ее, втянув в себя громадную массу воды, и в результате этого наш корабль, который все-таки был не мелкая щепка, спустился в желудок. Здесь мы стояли так же спокойно, как будто бросили якорь в полное безветрие. Воздух был слишком теплым и неприятно густым, и мрак колоссального туловища рассеивали лишь местами — то тут, то там — множество факелов, которые, впрочем, освещали лишь небольшой круг. Мы нашли здесь якоря, канаты, лодки, барки и значительное число кораблей, как нагруженных, так и пустых, которые поглотил этот морской гигант…

Мы, разумеется, не могли видеть в своем плену солнца, луны и звезд, и здесь, конечно, никогда не бывало дневного света. Но, как и в море, тут ежедневно бывали и приливы, и отливы. Прилив наступал, когда животное пило, и по приблизительному расчету в него поступало тогда больше воды, чем имеется в Женевском озере. Затем вода мало-помалу убывала, и наступал такой отлив, что все суда лежали как бы на отмели, пока через несколько часов снова не повторялся сильный прилив. Во время отлива мы ходили в гости пешком к товарищам по несчастью, а при высоком уровне воды добирались до них на лодках и с большим участием узнали, что некоторые из них находились в этой ужасной тюрьме уже несколько лет. Для меня было непонятно, как это люди могли смириться с таким положением, не предпринимая серьезных попыток освободиться — например, проделать дыру в теле чудовища или проколоть ему сердце. Я решил посоветоваться с нашим корабельным плотником, не можем ли мы сделать из нескольких мачт какую-нибудь распорку, которая не позволила бы чудовищу закрывать пасть… Для осуществления этого плана мы тотчас же скрепили скобами семь самых больших мачт. Затем отобрали сотню самых сильных мужчин, чтобы воспользоваться тем моментом, когда животное разинет пасть, и поставили мачты между его зубами таким образом, чтобы они не только плотно держали его громадный язык, но и мешали ему сжать челюсти. Тут вода беспрепятственно хлынула внутрь, и мало-помалу все человеческое население чудовища выплыло наружу в лодках, барках, на больших и малых кораблях. Наши мачты мы, конечно, оставили в пасти чудовища и благодаря этому избавили других от страшного несчастья быть заживо погребенными в этой ужасной и мрачной бездне. Вероятно, чудовище погибло жалкой смертью — ведь оно лишилось возможности заглатывать пищу, — и это совершенно справедливо.

Старший судовой капитан произвел нечто вроде морского смотра, и оказалось, что, кроме множества мелких судов и лодок, в брюхе этой рыбины было свыше семидесяти кораблей…

Но где же мы, собственно, находились?

Самые опытные морские офицеры всех национальностей установили путем различных наблюдений, что мы плыли в Каспийском море, которое, как вы знаете, не имеет никакого известного соединения с другими морями. Но поскольку мы все-таки

очутились на его поверхности, то это является доказательством имеющегося подземного сообщения Каспийского моря с океаном, так как нас, например, чудовище примчало сюда, несомненно, из Индийского океана…

Затем мы поплыли в разные стороны. С нашего корабля я первый соскочил на землю, радуясь, что опять ступаю по твердой почве. Тут громкое ворчанье заставило меня повернуть голову, — и я совсем близко от себя увидел медведя, который бежал прямо на меня. Я бесстрашно пошел на него, схватил обе его лапы и, в виде приветствия, так сильно потряс их, что медведь пожелал как можно скорее освободиться из моих рук и громко и недовольно ревел, потому что не мог этого сделать. Однако я не только крепко держал его, но и заставил его оставаться в этом положении до тех пор, пока он не умер на месте с голоду.

Яне знаю, как вернулся в Англию капитан Гамильтон, потому что на следующий же день двести наших товарищей по заключению прошли мимо нашего лагеря, направляясь в Персию; и когда я выразил намерение пристать к ним, они тотчас же выбрали меня начальником и предводителем каравана.

Тринадцатый вечер

Неравный бой бунтовщиков с персидскими горцами-разбойниками. Удачный захват лошадей и блестящий прием у персидского шаха.

— Первое, что я намеревался сделать после моего почетного избрания предводителем экспедиции, так это отобрать из ее участников самых молодых, ловких и умных, одеть их в женское платье и, вооружив их так, чтобы этого не было заметно, послать эту необычную группу на несколько сотен шагов впереди главного отряда, в виде прикрытия. Вначале это вызывало в мой адрес много насмешек и язвительных замечаний, потому что никто не знал моих планов. Я же думал: «Смейтесь на здоровье! Хорошо смеется тот, кто смеется последним!»

Мы пристали к берегу на расстоянии одного дня пути к югу от Баку и шли вдоль берега. Таким образом, мы находились уже в областях, подвластных собственно персидскому шаху. Однако горные племена Кавказа, которые хотя и платят дань персиянам или русским, но продолжают считать себя свободными и не желают признавать над собой никакой власти, делают в высшей степени опасными для путешественников все местности, расположенные к западу и к югу от Каспийского моря, по которым часто проходят большие и малые караваны…

В один прекрасный солнечный день, после полудня, мы вступили в чудную долину, орошаемую источником, и люди, утомленные долгой ходьбой, тотчас же растянулись на земле, решив расположиться здесь на привал. Тогда я взобрался на каменную глыбу, лежавшую посреди долины, и приказал всему моему отряду, состоявшему из двухсот пятидесяти человек, собраться около этой ораторской кафедры.

Львиным голосом, разносившимся по всей долине, я объяснил, что даю час времени на отдых и размышление. Они выбрали меня своим предводителем и очень заблуждаются, если думают, будто я должен и согласен подчиняться в чем бы то ни было воле и решению большинства. Избранная ими для привала долина со всех сторон

открыта для вражеского нападения. Поэтому я поищу в окрестностях какое-нибудь другое место, более надежное, и вернусь через час спросить их, одумались ли они и готовы ли следовать за мной или нет…

Подозвав знаком двоих из самых ревностных моих приверженцев, я покинул толпу людей беспомощных, но полных мятежного духа и пошел с этими двумя спутниками в горы.

Вскоре мы нашли большой утес, соединяющийся с остальной массой горы лишь узким гребнем, так что доступ к лагерю защитить было бы легко. Вернувшись к остальным, мы увидели, что они уже разложили костры и поставили на них котлы. Спокойно, но с насмешливой улыбкой я еще раз взобрался на ораторскую кафедру и объяснил, что здесь оставаться нельзя, а там, повыше, есть превосходное место для привала, с источником, находящимся на расстоянии каких-нибудь трехсот шагов, и кто хочет и дальше подчиняться мне как предводителю, должны пойти туда вслед за мной. Кто же предпочтет остаться, пусть пеняет на себя за последствия.

Тут поднялся страшный гомон… И когда я, поклонившись в знак прощального приветствия, повернулся, чтобы уйти, за мной последовало лишь человек сорок самых рассудительных и надежных, остальные двести не тронулись с места…

С нашего утеса мы могли видеть весь лагерь этих бунтовщиков и ночью, когда взошла полная луна, были свидетелями душераздирающей сцены. Сначала ни мы, ни наши часовые, внимательно осматривавшие ближайшие окрестности, не заметили ничего настораживающего.

Но нас встревожил поистине жуткий боевой клич — подобный вою, с каким бросаются в битву индейцы, — и когда мы столпились на краю нашего скалистого выступа, то увидели, как горцы-разбойники, которых было приблизительно вдвое больше, напали на беззаботно спавших людей и после непродолжительного сопротивления большинство из них перебили, а остальных связали и угнали в плен.

Так быстра и ужасна была кара бунтовщиков за непокорство и раскол!

Первой мыслью было броситься в бой, правда, очень неравный, и освободить уводимых в рабство людей. Но едва ли здесь можно было рассчитывать на успех. Поэтому мы притаились и с рассветом приготовились двинуться дальше.

Лучший и наиболее удобный путь шел как раз мимо места ночного боя, которое, как нам казалось, было пусто и покинуто всеми.

Мы шли, опять-таки отправив вперед переодетых женщинами бойцов, во главе которых находился я сам, и неподалеку от поля сражения натолкнулись на табун стреноженных лошадей голов в шестьдесят, находившийся под охраной трех черкесов. Едва последние увидели с дюжину мнимых женщин, крадущихся сквозь кустарник, как тотчас же бросили лошадей на произвол судьбы и кинулись к нам.

У меня едва хватило времени еще раз предупредить моих людей избегать шума и не пускать в ход огнестрельное оружие, как три караульщика подбежали к нам с веселыми гримасами, и каждый попробовал схватить в объятия одну из женщин, но при этом сам вонзил себе в сердце молча подставленный кинжал. Не успев даже охнуть, упали на землю три трупа, и мы овладели мирно пасшимися лошадьми, хозяева которых ограбили жертв ночного боя. Теперь на проворных конях мы быстро ускакали от наших врагов.

Когда затем понадобилось освежить добрых животных в реке, мы, надрываясь от смеха и забавных шуток, сняли с себя женское платье и бросили его в реку, которая быстро унесла его с наших глаз.

Мы продолжали путь, но вскоре нас остановил персидский патруль и спросил, куда и зачем мы едем…

Однако едва я успел назвать свое имя и сказать, что мы намереваемся посетить его высочество шаха, как все персияне обнажили головы и крикнули по-персидски «ура» в честь его превосходительства господина барона Мюнхгаузена.

Два дня спустя мы въехали в Тегеран и услышали, к нашему большому сожалению, что шах со всем своим двором три дня назад выехал в Шираз… Мы направились следом, и везде нас встречали с королевскими почестями и, не желая расставаться, сопровождали аж до самого Шираза. Так что через восемь дней мы въехали в Шираз со свитой почти в сто тысяч человек…

Шах, который ежедневно отовсюду получал официальные доклады о нашем шествии от городских властей, а также читал ежедневные сообщения в «Персидском Меркурии», выехал к нам навстречу со своим придворным штатом и всеми властями Шираза. Мы обнялись, и шах сказал, что рад этому свиданию и благодарен мне за мое первое посещение в качестве посланника его брата, турецкого султана…

Во дворце он пожаловал мне не только персидский орден Солнца и нарочно для меня отлитое из чистейшего червонного золота нагрудное украшение, именно — носимое в петлице изображение розы Шираза, невесты соловья, воспетой Гафизом, но еще предложил мне — чего никогда еще не позволялось неверным! — говорить с ним на «ты»! Первые отличия я принял с благодарностью, а последнее — с условием, что я буду говорить ему «ты», лишь когда мы будем вдвоем, а в остальное время буду называть его высочеством и могущественнейшим на земле императором… Продолжение — в следующий раз.

Четырнадцатый вечер

Мюнхгаузен предлагает вычистить луну; он получает в награду великолепного серого коня и, вернувшись на родину, заставляет его прыгнуть сквозь проезжающую мимо карету. Знакомому, утверждавшему, что пятнадцать лет назад он присутствовал на похоронах барона, Мюнхгаузен дает веское доказательство того, что он жив.

— Сегодня, господа, друзья и товарищи, вы услышите о величайшем, быть может, деле, какое мне удалось совершить на моем жизненном пути и о котором я никогда еще не рассказывал. Спустя несколько недель после нашего прибытия в Шираз мне случилось оказать шаху особенную услугу. Одним из его любимых занятий было посидеть и помечтать при луне, и однажды вечером, мы — шах и я — прогуливались по аллее душистых розовых кустов, а шах пел мне одну из чудных застольных песен покойного придворного поэта Гафиза, вдруг он прервал пение и простонал, схватив меня за руку:

— Послушай! Взгляни на луну! Что за ржавые пятна на ней?..

— Нет, нет! — отвечал я. — Нет! Это не ржавые пятна! Видишь ли, это явление называется лунным затмением; оно случается тогда, когда в полнолуние тень земли упадет на светлый диск луны и…

— Ах, братец! — прервал меня шах. — Ты — осел, хотя и ученый! Это ржавые пятна, а они бывают от сырой погоды. Спроси-ка у нашего придворного астронома!..

Но разве может сообщить мне какой-то астроном то, чего я и сам не знаю! Однако я провел всю ночь в раздумье, как просветить мрачное суеверие лучом истины? Наконец я решил: «Ну, что мне за дело! Ведь что город — то норов, что деревня — то обычай! И если в этой стране так думают, то надо приноровляться к их воззрениям!»

Еще до рассвета я вышел из дворца и разыскал нашего корабельного плотника, который прибыл в Шираз вместе со мной. Затем мы битый час вычерчивали с ним машинное приспособление, чтобы спустить луну и заново отполировать ее.

В обычное время я просил доложить его высочеству о моем приходе и сказал самым покорным образом, что я готов через несколько дней спустить луну вниз и удалить все ржавые пятна.

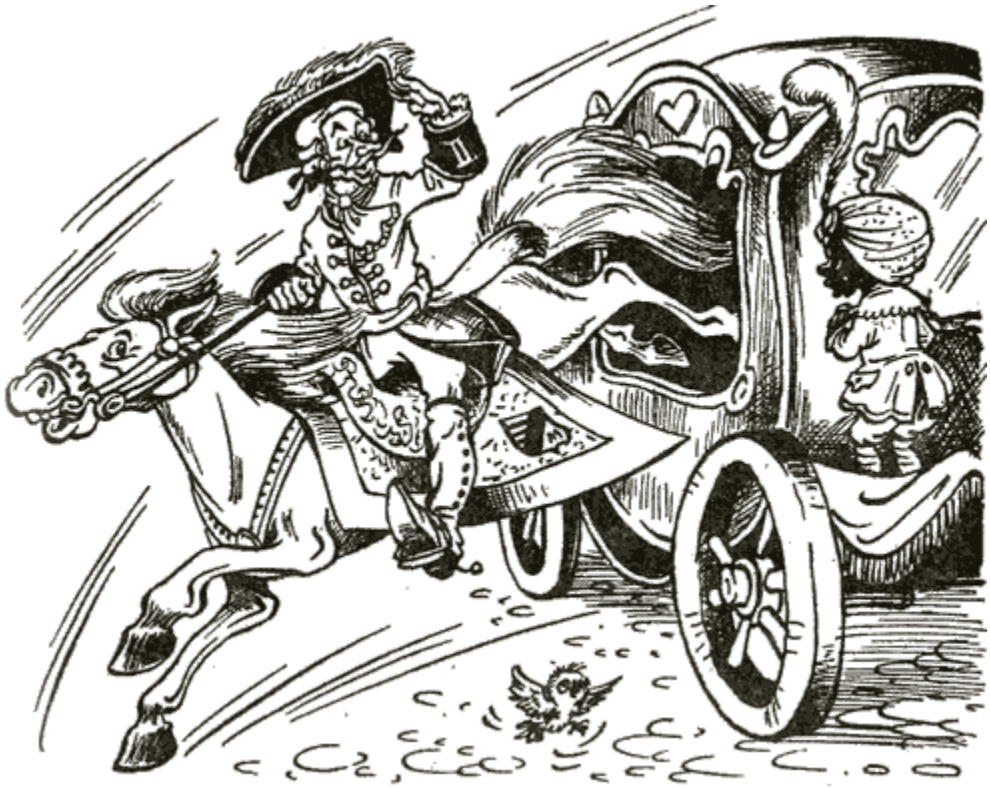
— Мюнхгаузен! — воскликнул обрадованный шах. — Если ты… если вы сумеете это сделать… клянусь бородой Пророка! В таком случае я возведу тебя в графы империи!..

В тот же день были сформированы три роты песочников, каждая по сто человек, и столько же отделений просеевальщиков песка, и эти шестьсот человек должны были приготовить самый мелкий песок для чистки и полировки луны. В то же время мы приступили к постройке нашей хитроумно придуманной машины для спуска луны, и ровно через четырнадцать дней после того лунного затмения была произведена первая проба машины. Когда же цивилизованный мир примирился с мыслью, что луны несколько дней не будет видно, потому что наступило новолуние, — мы в Ширазе спустили с неба ночную красавицу и вправду нашли на ней множество ржавых пятен и отполировали ее до такого же блеска, какой был у нее прежде.

С тех пор такая чистка производится через каждые четыре недели!..

Прошу господ слушателей при случае не отказать напомнить мне, что я обещал им показать привезенные из Персии орденские знаки, а также великолепную серую кобылу, которую шах заставил меня при отъезде принять в дар в знак его благодарности. Я двадцать лет ездил на ней, а когда она издохла, велел сделать из нее чучело, чтобы демонстрировать своим гостям. Эта лошадь обладала замечательно быстрым ходом, так что я в первое время по возвращении на родину, делая визиты по окрестностям, легко проезжал после обеда по тридцать-сорок миль и по пути из одного имения в другое успевал еще травить зайцев.

Однажды я гнался за зайцем, который перебежал через дорогу. Как раз между мной и зайцем по этой дороге ехала карета, в которой сидели две дамы — писаные красавицы. Мой конь так быстро и ловко проскочил сквозь карету, окна которой были открыты, что я едва успел снять шляпу и попросить у дам извинения за мою смелость…



Я хотел бы упомянуть сегодня еще об одном комичном случае того времени. Я много лет не видел одного из товарищей моих детских игр и случайно встретился с ним, когда он ехал из города, с хлебного рынка: ему часто приходилось наведываться туда, так как к нему перешла отцовская мельница… Большинство из вас, впрочем, лично знакомы с ним — это толстый Василий Мучник с Глиняной Мельницы. Дело было внизу, близ Шведского леска. Мучник слез с повозки и медленно тащился вперед в полумраке, когда я вдруг подъехал к нему и сказал:

— Добрый вечер, Василий!

— Черт побери мякину и мучные мешки! — воскликнул он, вне себя от изумления. — Покойный барон Мюнхгаузен!

— Что за глупости! — сердито промолвил я. — Я такой же покойник, как ты сам себе отец!

— Конечно! Семнадцать лет назад я видел вас лежащим на смертном одре… и присутствовал на похоронах вашей милости. Мы, парни, получили каждый по куску вишневого пирога, густо посыпанного сахаром… Вы должны бы были давно уж быть в могиле, господин барон!

— Погоди же, Василий! Я тебе покажу, покойник я или еще живой!

И с этими словами я закатил ему такую здоровенную оплеуху, что только звон пошел. Он свалился на землю. «Дурная трава не заглохнет!» — подумал я и оставил его лежать.

Спустя несколько дней я проезжал мимо мельницы и увидел, что мой толстяк Мучник сидит довольный на лавке и напевает себе под нос песенку.

— Ну, Василий, — сказал я, — поверил ли ты, наконец, что я жив? Или мне придется слезть с седла и окончательно развеять твою сомнительность?

— Нет, спасибо! Спасибо! Я теперь во всем вам верю, господин барон! — ответил Мучник, не ожидая ничего доброго.

— Ну, это хорошо, и мне это приятно. Иначе у меня имеются к твоим услугам, да и для всех других недоверчивых людей, бесстыдно сомневающихся в правдивости моих рассказов, еще много таких же веских доказательств.

А теперь — спокойной ночи, господа, друзья и товарищи!.. Спокойной ночи!

Пятнадцатый вечер

Удивительный охотничий жилет. Посещение Этны и хороший прием у отца Вулкана и госпожи Венеры. Изгнание Мюнхгаузена и его прибытие на не открытый еще остров в Тихом океане.

— Любезные господа, друзья и товарищи! — начал барон, входя довольно поздно в круг собравшихся. — Извините за мое опоздание и за то, что я появился перед вами в охотничьем костюме, — и в том, и в другом виноват этот мой охотничий жилет. Как вы видите, он сшит из кожи, точнее из шкуры Пикаса, о котором я часто упоминал.

По неловкости одного горе-охотника бедное животное получило полный заряд дроби, вместо зайца, над которым Пикас делал стойку. Я увидел это несчастье на расстоянии около тридцати шагов, и, когда подбежал туда, жалобно смотревшие на меня глаза милого животного уже стали меркнуть. Однако Пикас все-таки приподнял переднюю левую лапу, словно желая со мной проститься, затем еще раз потянул в себя воздух, и его верная собачья душа перешла в лучшие охотничьи угодья.

Господа, друзья и товарищи! Вот это был пес! Да еще какой! Впрочем, многие из вас знали его лично… поэтому мне нечего больше распространяться на этот счет.

Правда, это была только собака, но для меня она значила нечто большее!.. Я никогда и сам не имел, и у других не видел подобного животного; из любви к нему я хотел сделать из него чучело… однако нет! Он должен быть ближе ко мне, и потому я велел сшить из его шкуры этот жилет, чтобы не одна только память о верном псе была со мной всегда во время охоты… Простите, на глаза мои наворачиваются слезы всякий раз, стоит мне только заговорить об этом!..

Когда я, в первый раз надев на себя этот жилет, пошел на охоту и вступил на довольно большое клеверное поле, на котором могли водиться куропатки, мне вдруг стало необъяснимо теснить сердце… Это странное сжатие увеличивалось с каждым моим шагом, так что я должен был остановиться и поглубже вздохнуть — это было в высшей степени угрожающее состояние… Медленно, с большим трудом

продвигался я вперед… Наконец сердце у меня так сдавило, что я не мог сделать ни шагу дальше, и вдруг пуговица от жилета отлетела футов на пятнадцать в сторону, и — фр-р! — взлетел очень большой выводок куропаток. Я приложился, выстрелил, и тотчас же упало пять птиц. Я подобрал добычу, положил ее в ягдташ, зарядил ружье и пошел дальше.

Шагов через сорок сердце снова защемило, и опять отскочила пуговица, — и так повторяется каждый раз, когда я нахожусь неподалеку от дичи. Я чувствую странное теснение, которое сковывает мне дыхание и, как правило, стоит мне пуговицы, но эта потеря гарантирует мне верный выстрел… Вы видите, что на жилете пуговицы пришиты были в два ряда, по одиннадцати штук в каждом, а теперь из них остались только три. На будущей неделе мне придется в девятый раз поставить на него полный комплект новых пуговиц. Что вы скажете об этом доказательстве пережившей могилу верности и привязанности собак?

Я старый человек, и воспоминание о моем верном, превосходном Пикасе всегда нагоняет на меня грусть!.. А теперь я готов позабавить вас рассказом о другом приключении. Как раз по дороге сюда оно всплыло в моей памяти особенно ярко.

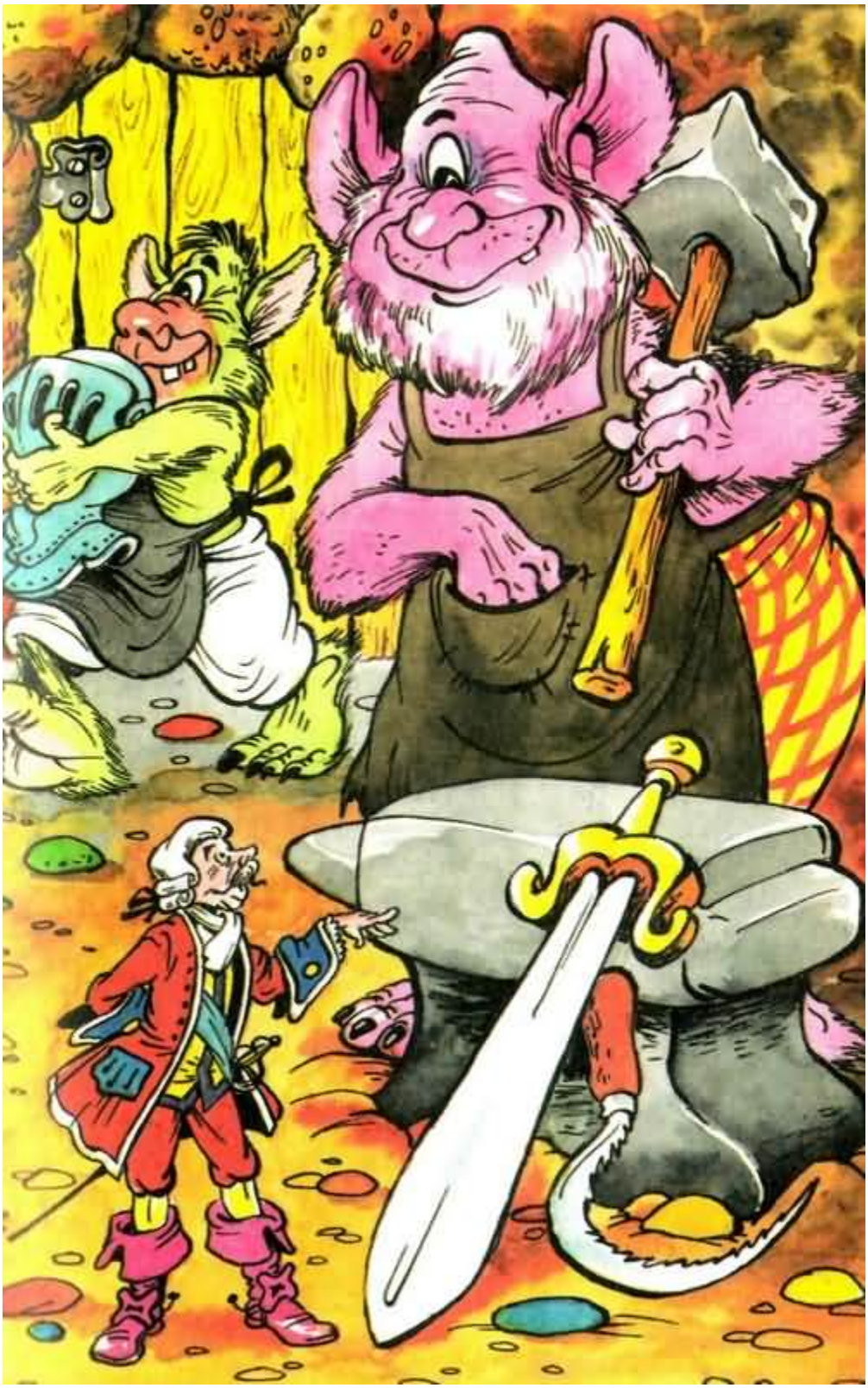
Много лет назад, когда я был на острове Сицилии, вулкан Этна принялся извергать пламя и камни. Я присоединился в Катании к обществу англичан, мужчин и дам, и доехал верхом вместе с ними до Casa Inglese — Английского Дома, где мы переночевали. Утром погонщики ослов и проводники вернулись назад, потому что извержение камней и огня усилилось. И вот, пока все общество — мужчины, дамы, проводники и четвероногие ослы — спускалось с горы, я спокойно начал карабкаться наверх и после трехчасовых усилий добрался до вершины… Я трижды обошел вокруг кратера, который вы можете себе представить в виде громадной воронки. Вид на сушу и море оттуда восхитителен, но меня тогда больше интересовало, каково-то теперь было внутри горы, и наконец я решился прыгнуть в бездну!..

Едва я попал в кратер, как уже искренне пожалел о своем любопытстве, потому что оказался словно в чертовски жаркой паровой бане, да и раскаленные угли, беспрестанно летавшие вокруг меня, также не могли доставить мне особенного удовольствия, тем более что

время от времени они, попадая в меня, причиняли весьма чувствительные ожоги… Но остановить свой полет было уже невозможно!

Огненные камни со свистом взлетали вверх, а я все падал им навстречу с возрастающей скоростью. Не знаю, что со мной случилось: привык ли я к адской жаре и уснул или потерял сознание… Как бы то ни было, я наконец долетел до дна и очнулся от страшного удара…

Но что за грохот, шум и гам вокруг меня!.. Я открыл глаза — и очутился в обществе Вулкана и его циклопов!..



Итак, совершенно верно, что внутри Этны находится кузница языческого бога Вулкана, в которого давно уже не верит ни один

человек! Да! Нужно только поехать в путешествие, чтобы пережить много нового… При этом мне вспоминается, что под впечатлением тех событий я начал стихотворение:

Стоит только в путь дальний поехать,

Чтобы было, о чем рассказать…

Дальше, впрочем, мое стихотворение не подвинулось. Но недавно я прочел эту песенку в здешнем «Вестнике»… Однако об Этне там не говорится ни слова… Ну да ладно, пусть господин автор выдает ее за свое собственное сочинение!..

Вы можете представить себе, господа, удивление старика Вулкана и его закопченных подмастерьев при моем внезапном появлении!

Когда я представился, как полагается, Вулкан тотчас же заковылял к шкафу, принес пластырь и разные мази, приложил их мне собственными руками, — и это был, наверно, волшебный бальзам, потому что, несмотря на мои жестокие ссадины, ушибы и ожоги, все раны моментально затянулись.

Один молодой циклоп принес мне кувшин теплой морской воды для умывания, после чего вежливый хозяин повел меня к своей законной половине — госпоже Венере, которой совсем нельзя было дать ее почтенного возраста в несколько тысяч лет.

О двух вещах я крайне сожалею: во-первых, почему я не спросил, от какой фирмы можно выписать чудесный бальзам, или если его приготовляет сам Вулкан, то по какому рецепту он делается; и во-вторых, зря я не поинтересовался, благодаря какой косметике так хорошо сохранилась госпожа Венера. У меня есть несколько теток, которые были бы мне очень благодарны за сообщение, хотя они далеко не так стары! Имея такие чудодейственные средства, можно было бы устроить колоссальное дело!..

Супружеская чета обращалась со мной вполне дружелюбно, хотя у госпожи Венеры не сходила с лица несколько насмешливая улыбка и отчасти сострадательное выражение в ее прекрасных чертах, словно она думала: «В сущности, ты мне жалок, бедный земной червь!» — и меня часто злила эта гордая снисходительность языческой богини!..

А ее муж, Вулкан, называемый также Гефестом, оказался добрым и честным парнем. Он провел меня по всем уголкам своего подземного царства и показал мне все мастерские, где циклопы ковали всевозможные поделки для повседневного употребления: плуги и другую сельскохозяйственную утварь, инструменты для столяров, напильники и пилы, мечи, панцири. При этом мне бросалось в глаза, что направо и налево отходит множество коридоров, запертых тяжелыми железными дверями, на которых стояли надписи светящимися буквами: «К Везувию», или «К Гекле», или какое-нибудь иное название еще действующего либо уже потухшего вулкана. На одной из этих дверей стояло: «Стромболи», а под ним на сорока восьми различных языках: «Вход воспрещается!».

— Куда ведет эта дверь? — спросил я.

— Ах! — ответил равнодушным тоном Вулкан, не замедляя шага. — Это маленькая мастерская, в ней изготовляется всякая всячина, которую не всем положено видеть, вот почему вход туда запрещен. — Затем он пробормотал что-то невнятное, чего я не расслышал как следует; но мне показалось, как будто прозвучали слова: «Капканы и самострелы».

В тот же день, после обеда, я спросил госпожу Венеру, часто ли она бывала в Стромболи?

— Никогда! Вход туда воспрещен. Я знаю только, что мой супруг занимается там особо ценными вещами и, между прочим, кует громовые стрелы для батюшки Зевса.

Переведя разговор, со свойственным мне тактом, на другие темы, я решил при первом же случае докопаться до тайны этой мастерской, и, когда на другой день Вулкан отлучился, чтобы уладить какой-то спор между рабочими в Везувии, я потихоньку пробрался к заветной двери, но открыл ее все-таки с некоторым колебанием. Однако тотчас же чуть не захлопнул ее, потому что оттуда загрохотал страшный гром, а на стенах коридора засверкало на сорока восьми различных языках предостережение: «Здесь лежат самострелы и капканы!»

Я колебался в нерешительности, пойти ли мне несмотря ни на что по коридору, магически освещенному сумеречным светом, как вдруг чья-то грубая рука схватила меня за шиворот, и — я должен, к своему прискорбию, сознаться в этом — кулаки циклопов градом обрушились на мою голову, пока вернувшийся Вулкан не освободил меня с возгласом: «Sat superque!» («С него довольно!») из рук своих подчиненных, но только для того, чтобы собственноручно притащить меня в темный коридор и швырнуть там в черную дыру с гневными словами:

— Неблагодарный смертный! В наказание за свое любопытство вернись в жалкий мир, из которого ты пришел!

Я летел вверх тормашками в ночном мраке час и другой, и так как я лишился сознания, то не могу сказать, сколько именно времени я мчался с такой ужасающей скоростью. И только оказавшись в довольно холодной воде, я пришел в себя. Я открыл глаза и понял, что нахожусь чуть ли не на дне моря! Приложив немало усилий, я вынырнул на поверхность и должен был положиться на свое искусство в плавании… Но куда плыть? Всякий другой на моем месте стал бы колебаться, я же только огляделся вокруг, спокойно размышляя: «Ничего, кроме неба и воды, да еще адски свежей, чтобы не сказать — холодной!» Наконец приблизительно верст через пять я подплыл к громадной ледяной горе. Забрался на ее вершину, уже совершенно окоченевший, и увидел оттуда по другую сторону ледяной горы каноэ (лодка индейцев) и пятерых дикарей вместе с одним европейцем, занятых охотой на морских коров. Я стал кричать изо всех сил, чтобы обратить на себя их внимание. Затем скатился с быстротой стрелы по

очень гладкой и скользкой стороне ледяной горы, обращенной к солнцу, и шлепнулся в воду рядом с каноэ. Люди помогли мне вскарабкаться в лодку, а потом европеец, оказавшийся голландцем, объяснил, что он — единственный человек, уцелевший при кораблекрушении на скалах возле еще не открытого острова в Тихом океане, все остальные утонули вместе с судном.

Значит, я находился где-то в Южном полушарии? Теперь мне все стало ясно: тот туннель, по которому я летел, проходил насквозь через срединную точку Земли и соединял два полушария! Как я сожалел, что был так невнимателен в дороге… Если кому-нибудь из вас вздумается прыгнуть в кратер Этны и затем пролететь сквозь весь земной шар, то советую не падать в обморок, чтобы вы могли наблюдать по пути через центр Земли крайне интересные вещи, а я, к сожалению, упустил столь редкую возможность!.. Сделайте это удачнее чем я, господа!.. Спокойной ночи!..

Шестнадцатый вечер

Неоткрытый остров в Тихом океане, добродушный владелец которого любит жареных иностранцев. Неизвестные деревья — хлебное и тыквенное — на острове Тайхатлибиати. Затянувшееся путешествие по морю.

— Во время упомянутого мной путешествия к еще не открытому острову, голландец мне рассказал, что туземцы называют свой остров Тайхатлибиати и что на нем правит очень добродушный князь, имеющий лишь особенное пристрастие к жареным иностранцам, которых предварительно откармливают в течение нескольких месяцев фруктами и другими южными плодами. Голландца также откармливали, но как-то раз прошел дождь из маленьких пирожков, и он съел несколько штук. Князь не на шутку рассердился и приказал спустя месяц снова начать откармливать Иоганна фон Весселя по особой диете, а затем немедленно изжарить.

— Ну, Иоганн, — сказал я с некоторым недоверием, — о пирожковом дожде рассказывайте кому другому, только не мне. Я — знаменитый барон Мюнхгаузен и объездил весь свет, но нигде пирожки с неба не сыплются.

— Нет, ваше превосходительство, — пустился уверять честный голландец. — Здесь, на Тайхатлибиати, это часто случается летом. На острове в горах растет много хлебных деревьев, по виду не похожих ни на какие другие, с очень маленькими плодами, которые по внешности и по вкусу напоминают мясные пирожки. Так вот, сильные ветры сбивают эти полузрелые плоды и словно градом усеивают ими равнину.

Вскоре я и сам убедился, что этот вид еще не был знаком нашим ботаникам, которые поэтому называют его теперь Artocarpus iqnotus — неизвестным хлебным деревом.

Во время нашего разговора мы совсем близко подплыли к острову, на берегу которого восседал князь. Голландец тотчас же представил меня со всеми моими титулами. Князь милостиво кивнул головой и шепнул своему первому министру:

— Его надо сейчас же откормить!..

Заманчивая перспектива, нечего сказать!..

Другим порадовавшим меня обстоятельством было то, что хотя моя слава, разумеется, не дошла до живущих на острове людей — потому что его ведь никто еще не открыл, — однако растительный мир здесь уже хорошо знал меня и мою репутацию: едва мы приблизились к княжескому дворцу, который, в сущности, был самой обыкновенной мазанкой, все деревья почтительно склонились предо мной, словно хотели надлежащим образом приветствовать его превосходительство господина Мюнхгаузена.

Это произвело на князя такое сильное впечатление, что он шепнул министру: «С откармливанием Мюнхгаузена не будем торопиться!» Когда голландец перевел мне эти слова, у меня с сердца скатился камень, который я при случае могу показать вам в моей коллекции редкостей. Ради смеха я привез его в Европу, хотя его трудновато было тащить, — ведь он весит около тридцати двух фунтов!..

В нескольких сотнях шагов от княжеского двора стояло штук двенадцать деревьев, усеянных круглыми плодами величиной с детскую голову. На трех самых больших деревьях висели на самом

верху трое мужчин, повешенных за ноги, и картина получилась весьма забавная, когда и эти деревья почтительно склонились передо мной. Я поинтересовался, за какое преступление этих людей так жестоко покарали. Мой добрый Иоганн фон Вессель объяснил мне, что эти трое были на чужбине и, вернувшись на родину, стали сочинять небылицы направо и налево, причем описывали такие места, которых они никогда не видали, и рассказывали такие вещи, которых никогда не случалось и которые были даже попросту невозможны!..

Я согласился, что это наказание, при всей своей жестокости, постигло этих лгунов вполне заслуженно, потому что нет ничего отвратительнее, если путешественник в своих рассказах нет-нет да и соврет для красного словца. Поэтому я надеюсь, что этих жалких хвастунов оставили висеть до тех пор, пока они не раскаялись.

Пребывание на Тайхатлибиати мне мало-помалу стало надоедать, да и перспектива быть откормленным южными фруктами и поданным на стол в виде жаркого также не представляла ничего интересного. Поэтому я стал искать — и в тот же день вечером нашел — случай тайно переговорить с Иоганном фон Весселем.

Он пришел в восторг от моего намерения как можно скорее бежать вместе с ним с острова, но затем стал робко выражать свои сомнения, так как мы совершенно не знали, где, собственно, находится остров Тайхатлибиати, который не обозначен ни на одной карте, потому что он еще не открыт по-настоящему.

— Поэтому нам будет трудно найти верный путь в Европу, — закончил он свои пессимистичные рассуждения.

Но на этот счет я легко утешил его: надо идти только не на юг, ведь нам было все равно, куда бы мы ни направились, — на север, восток или запад. Прежде всего надо было попасть к цивилизованным людям, которые и укажут нам дальнейший путь. Когда мы принялись обсуждать, удастся ли нам незаметно построить и снарядить лодку, я стал расспрашивать, какие виды деревьев растут здесь и не были ли те деревья, на которых висели лгуны, особым видом тюльпанных деревьев, что можно было бы предположить по форме их плодов. На это Иоганн ответил:

— Я не знаю, принадлежат ли они к тюльпанным деревьям, но, насколько я понял, их плоды — вроде тыквы или, еще вернее, это — полые внутри пузыри, словно маленькие воздушные шары. Их

снимают до полного вызревания, так как иначе солнечный свет слишком расширяет воздух в пузырях, и они, как воздушные шарики, тянутся вверх. А дерево, покрытое множеством плодов, отрывается от земли вместе с корнями. И ветер уносит его далеко-далеко.

Тут мне вдруг пришла в голову блестящая мысль, и я кинулся обнимать голландца:

— Друг, земляк! Ведь вы, голландцы, в некотором роде все-таки — европейцы! Теперь дело в шляпе!.. Когда же будут снимать эти плоды?

— Гм! Пожалуй, на днях!

— Вот как! И что же потом сделают с ними?..

— Как мне рассказывали, их связывают вместе дюжины по две и раскладывают на солнце; тут они дозревают, становятся невесомыми и улетают к облакам. День, в который это случается, считается праздником и называется тыквенным летом!..

Теперь я знал все, что мне было нужно!.. Иоганну я поручил позаботиться о небольшом запасе провизии, которую мы затем поделили и спрятали по карманам. Когда в один из ближайших дней маленькие воздушные шары лежали на земле, под лучами солнца, связанные по две дюжины вместе, я потихоньку привязал к своему поясу несколько таких связок, Иоганн сделал то же самое. Вскоре воздух в них нагрелся и расширился, так что мы почти одновременно были подняты пузырями на воздух, и ветер умчал нас далеко в море. Здесь мы расстались. Однако я видел издали, как Иоганн опускался все ниже и ниже и наконец упал в море, но как раз в это время проплывавший мимо корабль подобрал его. Как я узнал впоследствии, он вернулся домой цел и невредим и теперь служит хранителем естественнонаучного музея в Амстердаме или Лейдене, где любой может когда угодно расспросить этого честного человека и получить от него подтверждение всего мною сейчас рассказанного.

Я сам пережил очень мучительный момент, так как, находясь в воздухе, долго не мог решить, что делать — опуститься ли, отвязав дюжины две шаров, или нет. Меня охватило сомнение, смогу ли я догнать корабль, мчавшийся дальше на всех парусах, — а это становилось с каждым мгновением все более и более невероятным, — как вдруг меня подхватил один из вихрей, господствующих в тамошних морях и называемых в различных странах циклонами, тайфунами, ураганами, и крутил меня высоко над морем три дня и три ночи, так что я был рад, что догадался запастись, в качестве балласта, провизией и тяжелым камнем. Но, наконец, у меня все-таки закружилась голова, и я упал без сознания в море. Однако в холодной воде я быстро пришел в себя и спасся благодаря своему поразительному умению плавать, догнав корабль, идущий под парусами на расстоянии семнадцати морских миль от меня. Это был турецкий фрегат, на палубе которого я считал себя избавившимся от всяких бед. Но вечером, когда я за стаканом матросского грога — такого крепкого, что его невозможно оказалось пить, а надо было резать ножом и затем есть ложкой, — стал рассказывать о не открытом еще острове Тайхатлибиати и об урагане, некоторые из слушателей сделали такие мины, как будто они сомневались в правдивости моих

слов, хотя я излагал все так же просто и без всяких прикрас, как передал это вам.

Я, разумеется, тотчас же оборвал рассказ, а капитан зашел так далеко в своей невежливости, что шепнул на ухо соседу:

— Клянусь Магометом! Таких бурь вовсе не бывает.

Ну, он был глупый язычник, однако кара явилась немедленно.

Когда мы улеглись по койкам, дул довольно свежий южный ветер при звездном небе. Но едва успели мы задремать, как нас разбудила жуткая качка. Корабль бросало то вправо, то влево, потому что очень сильный ветер с удивительно четким чередованием дул каждые три минуты с запада и затем вдруг ровно три минуты с востока. А на рассвете налетел сильный, жестокий шторм с севера.

Корабль страшно трещал; главная мачта, которую раскачало за ночь, обрушилась за борт и при своем падении, к несчастью, вдребезги разбила компас! Ну, а плаванье без компаса — это все равно, как если бы путнику завязали глаза в лесу и пустили со словами: «Отыщи верный путь к твоей цели!». Небо целые месяцы было затянуто густыми тучами, и, гоняясь по морю, мы готовы были думать, что нас засадили в темный мешок.

Буря бушевала целый месяц. Днем стояли мутные сумерки, а ночью было темно, хоть глаз выколи. В течение тринадцати недель мы ни разу не видели ни солнца, ни луны, ни звезд. Все наши мачты были сорваны одна за другой, и наш остов, лишенный мачт и руля, падал с гребня одной волны вниз, чтобы затем взметнуться на вершину следующей волны.

Наконец наступило безветрие, но море было так взбудоражено бурей, что волновалось еще не одну неделю, и наш остов медленно уносило в одном и том же направлении, но никто из нас так и не мог определить, куда именно. И вот, как раз в тот момент, когда были съедены последние запасы, небо прояснилось. Легкий зефир обвевал нас теплом, несшим совершенно особый аромат. Все жадно вдыхали его и освежались этим своеобразным запахом, отдаленно напоминавшим померанцы.

Вдруг мне показалось, что я узнаю этот аромат. Однако, не будучи еще совершенно уверен, я пробормотал себе под нос:

— Это пахнет как будто жареным мясом и гаванскими сигарами?..

И действительно, через несколько дней мы пристали к Гаване. Вот откуда шел сигарный аромат!

Когда я на следующий день рассказывал табачным плантаторам, с драгоценной гаванской сигарой во рту, кое-что из моих приключений и особенно то, что пережил за последнее время, среди моих слушателей поднялся громкий смех; некоторые из них начали кататься колесом, другие встали от удивления с ног на голову, а остальные, почесывая в затылке, ворчали:

— Какие возмутительные россказни!..

Разумеется, я тотчас же оставил это общество, не думая защищаться, и в тот же самый вечер отплыл в Европу.

Впрочем, кто имеет деревянный лоб и потому не может отличить лжи и хвастовства от высказанной напрямик правды — такого человека не исправишь… Этим, господа, друзья и товарищи, я и закончу на сегодня, благодарю вас за внимание, которым вы удостоили мои рассказы.

Семнадцатый вечер

О железном черве и о разных способах борьбы с ним.

— Так как мне говорили, любезные господа, друзья и товарищи, что вы хотели бы узнать, по какому именно щекотливому поручению мне пришлось много лет назад побывать в Везеле, то я расскажу вам все в подробностях. Но это длинная история, а я должен предупредить, что дело это до сих пор хранится в тайне от всего света, и рассчитываю на вашу скромность, что вы не будете болтать о нем. Правда, это странное происшествие случилось слишком давно, но тем не менее правительству едва ли было бы приятно, если бы о нем теперь стало известно всем… Представьте себе только, что я получил тогда приказ немедленно отправиться в Везель потому, что от тамошнего комендантского управления пришло почти невероятное сообщение о том, будто в крепостных пушках завелся — железный червь!.. Вы как будто хотите спросить с удивлением: «Что?! Железный червь?» Сознаюсь по чести, что в то время и я никогда ничего не слыхивал о железном черве и тем более никогда его не видывал…

Как только я прибыл в Везель, комендант и плац-майор встретили меня с озабоченным видом и тотчас же провели в цитадель, где нас ожидал главный врач гарнизона.

На мой вопрос о происхождении и размерах причиненного зла комендант только пожал со вздохом плечами, а плац-майор шепнул мне:

— Не спрашивайте об этом! Вы сами сейчас увидите!..

Заинтригованный, я пошел следом за моими спутниками, хранившими мрачное и таинственное молчание. Вскоре мы достигли цитадели. Караул стал под ружье и отдал нам честь с барабанным боем. Мы взяли по фонарю и вошли сначала в темный коридор, а затем в подземный каземат, где лежало в ряд около семидесяти железных пушек.

— Это жертвы железного червя! — сказал глухим голосом артиллерийский офицер, и когда мы подошли с фонарями ближе к

пушкам, я заметил, что в каждом глазу моих спутников блестело по слезе.

— Сколько их здесь? — спросил я.

— Вчера было их шестьдесят три, а сегодня это число увеличилось еще на восемь!

Следовательно, всего семьдесят одна!..

Я нагнулся, чтобы присмотреться ближе. И, господа и друзья, от той картины, которая представилась мне, я почувствовал, как дрожь пробежала по моим жилам!.. Что же такое я мог увидеть?..

Все орудия были в разной степени проточены червями!.. На некоторых, очевидно не так давно пораженных этой напастью, лишь местами виднелись отдельные маленькие круглые дырочки. Однако на большинстве пушек разрушение, произведенное железным червем, было поистине ужасно.

Я сам сперва потерял дар речи, а потом просил подробно рассказать мне об этом и услышал, что первое источенное червем орудие было замечено недели четыре назад — и затем число пораженных им пушек стало расти со дня на день. Между тем еще никто не видел ни одного из железных червей, вероятно, находившихся в орудиях!

Мне было положительно непонятно, неужели ничего не было предпринято для уничтожения железного паразита!.. Население Везеля было так ошеломлено этим неслыханным бедствием, что ему даже в голову не пришло бороться с ним!.. Когда я предложил убить червей прожиганием, комендант бросился в восторге мне на шею.

Тотчас же была построена особая доменная печь, а в три дня, которые понадобились для ее сооружения, было источено одиннадцать новых орудий; таким образом, их было уже восемьдесят два!

Я приказал затопить печь и для начала положил в огонь двадцать источенных пушек и дюжину еще не тронутых червем. Эти тридцать два железных цилиндра продержали в раскаленном состоянии трое суток, и, по моему совету, комендант приказал затем перенести их еще калеными в каземат, предварительно наполненный хлорными парами. После этого в него накачали доверху воды. Целых восемь дней пролежали они в этой воде, уровень которой поддерживался, благодаря постоянному подкачиванию в течение круглых суток.

В это время воспрянувший духом гарнизон уже провозгласил меня спасителем и пушечным доктором. Ежедневно устраивались парады с развевающимися знаменами, торжественные обеды и ужины с тонкими винами и хвалебными тостами. Между тем порча поразила еще пятьдесят одну пушку; теперь было уже сто тридцать три приведенных в негодность орудия!.. Однако все мы твердо надеялись на успех моей доменной печи. Но когда на девятый день действие насосов было остановлено, вода быстро спущена из каземата и мы вошли в него, полные уверенности, — пушки оказались покрытыми толстым слоем ржавчины и, к моему ужасу, были полны новых червоточин — даже те двенадцать пушек, положенные в печь нетронутыми!.. Теперь их было уже сто сорок пять!

Вы улыбаетесь, господа, друзья и товарищи, но мне было совсем не смешно!.. Придя почти в полное отчаяние, следующую ночь я провел без сна. На рассвете я вскочил с постели: первый солнечный луч, брызнувший мне в глаза, прояснил и мои мысли.

— Канальи! — воскликнул я. — Вы выдержали огонь и воду, так я допеку вас ядом!

Я наспех облачился в мундир и поспешил к коменданту, который спал еще глубоким сном. Я разбудил его и, присев к нему на постель, изложил свой подробно разработанный план. Тотчас же грянул полный сбор. Половина гарнизона должна была выступить, вооружившись корзинами, а вторая половина сооружала громадный медный котел, который как раз заполнил всю полость доменной печи. К вечеру вернулась колонна, снаряженная корзинами, и принесла все мухоморы, выросшие вокруг крепости на расстоянии нескольких миль. В печи развели огонь, и мой гигантский котел наполовину наполнили маслом, вскоре весело зашипевшим в нем. Туда же было всыпано несколько десятков пудов мухоморов. Лишь на следующее утро мы потушили огонь — яд для истребления железного червя был готов.

Я не намерен утомлять вас подробным изложением оснований моего способа. Горячее масло было выпущено в большую цистерну, и туда же поместили мы все сто сорок пять источенных пушек.

Следующую ночь я опять не смог спокойно спать. Когда я рано утром прибежал к цистерне, в теплом масле рядом с разваренными в кашу мухоморами плавали сотни тонких палочек длиной около дюйма, светло-зеленого цвета с желтоватым или голубым отблеском. Это были несомненно остатки железных червей, имевших вид обычных дождевых. Я попытался выловить несколько штук, но вскоре понял, что из этой затеи ничего не выйдет. Тут очень тихий, жалобный звук заставил меня взглянуть в сторону, и на краю цистерны я увидел двух еще живых настоящих железных червей, длиной около четверти фута. Они сидели, слегка приподнявшись и опираясь друг на друга, и оба корчились, словно от сильной боли. Время от времени на одном конце их тела вдруг выступали какие-то ярко-красные рожки, имевшие вид маленьких напильников, и после нескольких судорожных движений снова прятались. Оправившись от первого изумления, я подкрался поближе и протянул уже руку, чтобы схватить их, но тут подошли, громко разговаривая, несколько офицеров… Испуганные черви выпрямились и с тихим, жалобным звуком бросились на моих глазах в

масло. Мы позвали три роты, чтобы вычерпать ядовитый отвар. Но в нем мы уже не нашли ни одного странного насекомого, все представляло собой непонятного цвета размягченную массу!.. В конце концов достали пушки, высушили их и поставили для осмотра. Как известно, я вскоре уехал домой, но с тех пор никогда больше не обнаружилось ни малейшего следа железных червей! Я вернулся с гордым сознанием, что благодаря примененному мной яду (отвару мухоморов в масле) удалось излечить ужасную глистную болезнь железных пушек, и железный червь был уничтожен.

Правда, пушки некоторое время имели такой вид, как будто они перенесли оспу, но благодаря изобретенной мной железной мази все эти оспины, а точнее, все проточенные железными червями отверстия, совершенно залечились, что превзошло даже мои ожидания. Государство предложило мне в виде награды полмиллиона талеров, но я из скромности отклонил этот дар. Тогда решили пожаловать мне новую медаль за спасение пушек на ленте ордена «За заслуги», но я отказался и от этого отличия, потому что нельзя было говорить о железном черве, а следовательно, и об его истреблении. Теперь вам станет понятно, почему с тех пор орудия делаются из бронзы — так называемой колокольной меди или пушечного металла, — потому что все страшно боялись, как бы в железных орудиях не завелся железный червь!

С тех пор я осторожно расспрашивал многих ученых-естествоиспытателей, но не встретил еще ни одного, который знал бы хоть что-нибудь о существовании железного червя. Я и сам стал бы в этом сомневаться, если бы не видел зеленых железных червей и собственными глазами не убедился в их разрушительной деятельности. Так что господа ученые знают далеко не все!

Восемнадцатый вечер

Совершенно невероятный мороз помогает Мюнхгаузену спастись от медведя.

— В прошлый раз вы, по-видимому, не согласились с моим мнением о невежестве ученых! А вот я расскажу вам еще о страшнейшем морозе, какого ученые также не знают, но какие иногда в самом деле наблюдались. Один мой приятель, чрезвычайно правдивый человек, рассказывал мне, что во время путешествия по Северному Ледовитому океану ему пришлось испытать такой сильный мороз, что зажженная восковая или сальная свеча, вынесенная из каюты на палубу корабля, немедленно гасла, и зажечь ее было невозможно, потому что из-за страшного мороза воск или сало под горящим фитилем тотчас же замерзали!.. Мне этого, правда, не приходилось видеть, и я, пожалуй, не поверил бы этому рассказу, если бы мне и самому не довелось побывать в России в такие же морозы. Не трудно покачивать с недоверием головой, но — как гласит латинская поговорка — praxis est multipiex! Опыт многообразен!..

Так, например, я сам был однажды на медвежьей охоте в более чем медвежий мороз… Было так холодно, что кремень моего ружья после каждого выстрела разлетался вдребезги. Это случилось и в тот раз, когда я убил поистине гигантскую медведицу. Не успел я вынуть из ягдташа новый кремень, как услышал за спиной ужасный рев и, повернув голову, увидел супруга убитой медведицы, надвигавшегося на меня с распростертыми лапами и широко разинутой пастью. Так как у меня не было никакой охоты оказаться в благодарных объятиях медведя, только что ставшего вдовцом, а мое ружье без кремня в эту минуту не могло меня выручить, то я шустро вскарабкался на ближайшее дерево. Усевшись на суку, я скоро зарядил ружье, но когда стал второпях ввинчивать в замок новый кремень, ключ нечаянно выскользнул из моих полуокоченевших рук и упал на землю. И вот я остался безоружный и должен был безропотно ждать, когда Михайло Иванович Топтыгин полезет за мной на дерево. К счастью, он увидел свою убитую супругу и подошел сперва к ней, чтобы посмотреть,

почему она лежит совершенно неподвижно на снегу. Он толкнул ее мордой, обнюхал со всех сторон, потом потеребил своими ужасными когтями, перевернул на другой бок и всячески пытался поставить на ноги окоченевший труп. Так ходил зверь вокруг своей подруги довольно долго, и я тем временем постарался достать оброненный ключ.

Я не мог, разумеется, слезть для этого с дерева, — моим спасителем стал жестокий мороз!.. У меня завалялся в кармане после завтрака ломоть белого хлеба. Я быстро разжевал его вместе с концом веревки и бросил на землю этот мякиш, плотно сидевший на веревке, с таким расчетом, чтобы он упал как раз на мой ключ — и мгновенно примерз к нему. Я поспешно потянул вверх веревку, обледенелый хлебный ком и ключ!.. Ну, остальное вы можете себе сами представить. Мое ружье получило новый кремень, а зверь — выстрел в лопатку и пулю в сердце, тотчас же положившую его трупом рядом с медведицей.

Девятнадцатый вечер

Абсолютное сходство двух близнецов. Американская помада для выращивания волос.

На следующую беседу барон явился вместе с каким-то молодым человеком, которого он представил обществу как своего племянника Вольдемара Мюнхгаузена, приехавшего погостить к нему на несколько дней. Оказалось, что с близнецом Вольдемара, Адальбертом, были знакомы некоторые из присутствующих молодых людей…

— Эй, Адальберт! — воскликнул молодой лесничий. — Послушай, старина, зачем ты выдаешь себя дяде барону за брата Вольдемара, которого я, правда, никогда не видел, когда мы оба были в лесной академии?

— Потому, — ответил вместо племянника барон, — что этот юноша действительно Вольдемар, хотя он невероятно похож на своего брата-близнеца…

Тем временем лесничий подошел поближе, продолжая утверждать, что молодой человек — его товарищ по академии и приятель Адальберт.

— Нет-нет, милый молодой друг и товарищ, честное слово, это не ваш приятель по академии Адальберт, а его брат Вольдемар! И так как вы все здесь являетесь свидетелями того, как близкий друг одного брата, судя по тому, как он упорно качает головой, считает совершенно незнакомого ему Вольдемара своим другом и товарищем, то пусть Вольдемар расскажет вам, как этих близнецов постоянно путали друг с другом.

— Да, господа! — начал Вольдемар. — Нас стали путать с самого младенчества, потому что мы так похожи, что даже родители не могли отличить одного от другого. Поэтому нас с детства одевали всегда в платье разных цветов, и так как я любил одежду синего цвета, то меня звали «синим», а Адальберта, посвятившего себя лесоводству и всегда носящего зеленое платье, — «зеленым»… Из бесчисленного множества случаев забавной путаницы я расскажу вам только один. Прошлой осенью мы предприняли прогулку пешком по горам Гарц и

после восьмидневных странствий заночевали в Вернигероде. На следующее утро мы потребовали цирюльника, и когда тот вошел в нашу комнату, я был еще в спальне, а в комнате находился один Адальберт. Он сел бриться, и когда цирюльник закончил, мой брат вышел в спальню смыть мыло. Я же явился без сюртука в комнату и уселся на стул, с которого только что поднялся брат, со словами: «Ну, сударь, выбрейте же меня как следует, не могу же я сегодня, в воскресенье, ходить с полудюймовой щетиной!..» Цирюльник подошел и, качая головой, сказал: «Ну, это уже чересчур! Я только что вас выбрил начисто, и вдруг…» Больше он не произнес ни слова. Побледнев от страха и удивления, словно покойник, он снова взбил пену и густо намылил меня. При этом он бормотал: «Нет! Никогда в жизни мне не приходилось видеть такого быстрого роста бороды… право, тут можно поверить в колдовство. Что скажет моя Лиза, когда я расскажу ей это?.. В самом деле, просто чудо!..» Когда он закончил, я спросил, сколько он берет за бритье, и сунул ему в руку вдвое больше назначенной им цены. Честный малый хотел вернуть мне половину; разумеется, я не взял деньги, потому что он честно их заработал. Он ушел, качая головой, и в дверях еще лепетал: «Нет, в самом деле, это поразительно!..»

Слушатели громко рассмеялись, представляя себе изумление одураченного цирюльника. Но тут заговорил барон, поглаживая с небрежной улыбкой свой гладкий подбородок:

— Да, Вольдемар, в сущности, эта проделка не имеет большого значения, ведь все чудо основывалось лишь на вашем изумительном сходстве, и вас все-таки было двое. Я же один поставил как-то цирюльника в гораздо большее смущение; я расскажу сейчас, как было дело.

Один мой друг, переселившийся в Америку, изобрел там удивительно сильнодействующую помаду для выращивания волос и несколько лет назад прислал мне в подарок семь громадных банок. Не нуждаясь в такой помаде — я никогда не носил усов и бороды, — я велел отнести эти семь жестянок в кладовую, и мой умный Иоганн поставил их там на подоконник, где они стояли прямо на солнце.

Я долго не вспоминал о них, так как считал это чистейшим шарлатанством и мошенничеством моего американского друга. Жестянки простояли несколько месяцев, и когда я случайно зашел как-

то в кладовую, ее пол оказался покрытым почти по колено какой-то пенистой массой. Представьте себе, любезные господа, друзья и товарищи, из-за солнечной жары из жестянок вытек почти весь жир, но вся сила осталась в помаде и, разумеется, стала гораздо эффективнее, в чем я тотчас же убедился. Я окунул в помаду палец, провел им над верхней губой и почувствовал легкий жар, но больше ничего…

Однако на следующее утро я едва узнал себя в зеркале: за ночь у меня выросли настоящие гусарские усы! Этим фактом я привел нашего парикмахера в совершенное смущение, окончательно сбившее его с толку. Я брился у него каждый день! Однажды, когда брадобрей только что сделал свое дело, я вышел в соседнюю комнату, к умывальнику, и быстро натер себе лицо чудесной помадой. Спустя минуту я вернулся с явными следами растительности на лице и с уничтожающим взглядом показал цирюльнику, укладывающему свои инструменты, на явное доказательство его плохой работы. Удивленный брадобрей снова принялся за работу. И тот же фокус я повторил в то утро семнадцать раз, пока цирюльник не потерял от утомления способность шевелить руками, а его бритва совсем не затупилась…

Мне жаль, что я не могу теперь продемонстрировать перед вами это чудо, потому что у меня не осталось ни капли волшебной помады. Я всю ее истратил на серого пони, которого я велел натереть этим веществом во время похода в Голландию. После этого у него выросли такие длинные волосы, что он стал курчав, как пудель, и вызывал общее удивление, когда бежал за мной, а длинные локоны его гривы развевались за ним по ветру. Эта история плохо — а, впрочем, пожалуй, и хорошо — отозвалась на тогдашнем моем стремянном, Тобиасе: на обеих его ладонях выросли длинные густые волосы, а на правой щеке, до которой он случайно дотронулся, натирая пони, вырос локон волос толщиной с руку, так что он потом несколько лет показывал себя на ярмарках за деньги. Может быть, вы припомните это, милые друзья, хотя с тех пор прошло уже много лет…

Но я обещал вам рассказать о действии сильной летней жары, какую я сам испытал на себе в Турции. К сожалению, сегодня уже поздно. Поэтому — до следующего раза.

Двадцатый вечер

Сильная жара. Путешествие на воздушном шаре и сжарившийся на солнце дог.

— В один турецкий праздничный день, прогуливаясь на гондоле в Мраморном море, я увидел высоко над собой, в голубом небе, загадочную черную точку. «Что бы это могло быть?» — задавал я себе вопрос, потому что на птицу этот предмет не был похож… К счастью, при мне оказалось ружье, так как один корабельщик предупреждал меня, что в одном определенном месте часто появляется некая морская женщина, и я хотел узнать, боится ли она пуль. Я никогда не видал русалки или сирены и, вообще, считал рассказы о них пустой выдумкой, какие любят пошлые люди, а я, как вам известно, готов клеймить позором подобных лгунов. Ведь и без того приходится повидать довольно удивительных чудес, так что каждый должен был бы строго держаться истины… Итак, выстрелив три или четыре раза по парившей в небе черной точке, которая продолжала спокойно и медленно двигаться, я наконец заметил, что этот предмет летит слишком высоко и недостижим для моей пули, иначе я бы попал в него: я совершенно уверен в своей меткости! Я зарядил ружье теперь уже пятерным зарядом пороху и сверху положил три пули. Целиться прямо вверх было довольно трудно, да и моя гондола довольно сильно покачивалась. Но разве это проблема для хорошего стрелка?.. Грохнул выстрел, и в то же мгновение я увидел загадочный предмет, довольно быстро приближавшийся сверху, и вскоре убедился, что попал не в птицу, а в воздушный шар. Теперь только я мог сообразить, как страшно высоко летел он, если казался мне одной точкой. Ведь по размеру шар гораздо больше купола знаменитой большой Константинопольской мечети, видневшейся неподалеку. Под шаром висела гондола величиной с мою! И вот эта громада наконец хлопнулась в море со страшным шумом, разнесшимся далеко вокруг…

Когда несколько утихомирилось разбушевавшееся море, я подплыл на веслах поближе и нашел в спустившейся с небес гондоле воздушного шара отощавшего англичанина, который приветствовал

меня целым потоком благодарности, как спасителя его жизни. Бедный парень, поспешивший представиться мистером Смисом, был воздухоплавателем и пять дней назад поднялся в Нью-Йорке с двумя спутниками, думая добраться таким образом к Ниагарскому водопаду. Однако в верхних слоях атмосферы, когда они уже пролетели далеко на запад, шар попал в очень сильный поток воздуха, который отнес его на восток, к Атлантическому океану. К несчастью, когда незадачливые путешественники хотели открыть клапан шара, привязанный к нему шнур оборвался, и бедняги потеряли последнюю возможность выпустить из шара газ, чтобы опуститься, пока под ними еще находился американский материк. Тогда воздухоплаватель посоветовал двум своим спутникам спуститься на огромном парашюте, прежде чем шар полетит над морем. Это им и посчастливилось сделать в последний момент, когда они летели как раз над Ньюфаундлендом: оба спутника англичанина достигли земли, а самого его понесло дальше, причем он надеялся, что ветер домчит этот воздушный экипаж до самой Европы.

Шар, действительно, еще несколько дней летел над океаном, терзаемый всеми ветрами, а бедный воздухоплаватель, не имея, однако, никакой возможности заставить шар спуститься, терпел

сильный голод и жажду, так как все запасы провизии уже были съедены. Тут-то мои пули пробили в шаре дырку, и несчастный путешественник, окончательно потерявший надежду и ожидавший лишь голодной смерти, был спасен.

Из благодарности он хотел подарить мне шар, но я отказался от этого дара: что мне с ним было делать! Но так как этот господин желал во что бы то ни стало выразить благодарность спасителю своей жизни, то он предложил мне сопутствовать ему в маленьком воздушном путешествии, которое, по его мнению, должно доставить мне большое удовольствие. Я, смеясь, принял это приглашение, и уже на следующий день, когда он сообщил мне, что шар исправлен, мы сели в гондолу.

Мой новый друг взял с собой большого персидского дога, которого он купил ради редкой породы, затем обрубил канат, привязанный к утесу, и шар со скоростью стрелы взвился прямо вверх. Сначала его движение показалось мне чересчур уж быстрым, но вскоре это неприятное чувство у меня прошло, и я стал наслаждаться восхитительным видом, который открывался со всех сторон.

Десять минут спустя мы могли окинуть взором все Черное море, а по другую сторону — Дарданелльский пролив, значительную часть

Средиземного моря и берег Африки, — а через час под нами раскидывалась, как географическая карта, вся Европа. Мы поднимались все выше и выше и скоро увидели Азию вплоть до Китая и Японии.

Наше путешествие по поднебесью было в высшей степени интересно и поучительно! Засмотревшись на этот чудный вид, я позабыл все остальное!..

Наконец я обратил внимание на полуозабоченное, полусмущенное лицо моего воздушного возницы, и так как становилось все жарче, то он сознался, что никогда не поднимался так высоко и, вероятно, второпях и на радостях, наполнил шар слишком большим количеством теплого воздуха… В самом деле, было уже так жарко, и пот реками лился по всему телу. Шар, видимо, раздувался, становился все толще и подозрительно трещал. Мы поднимались все выше.

— Ну, — шепнул мой друг, — только бы не лопнул сам шар!.. Ведь мы, наверное, поднялись на несколько миль!

— На несколько миль? — переспросил я, не веря его словам.

— Судя по всему, да, — ответил воздухоплаватель. — Я определяю нашу высоту в пятнадцать-двадцать миль над уровнем моря. Страшная жара показывает, что мы значительно приблизились к солнцу, а земля кажется отсюда совершенно плоской, без всяких гор и долин.

Я посоветовал открыть клапан, чтобы шар немного опорожнился и мы спустились бы ближе к земле. Тогда англичанин сознался, что уже много раз тщетно тянул за веревку вентиля — так он называл клапан. Должно быть, он захлопнулся слишком плотно или что-нибудь в нем неисправно. В этот момент собака, лежавшая до сих пор совершенно спокойно, вскочила и принялась страшно выть. Вой ее становился все слабее, потому что голос мало-помалу стал у нее пропадать, а воздух делался тем реже, чем выше мы поднимались, так что и мы, люди, едва могли слышать друг друга, хотя старались кричать как можно громче.

А шар между тем все поднимался, и вскоре мы могли объясняться друг с другом в беззвучной тишине только знаками. Однако я видел, с каким напряжением мой спутник тянул за веревку вентиля. Ах, думал я, бедняга вовсе обессилел! Полагаясь на свои более крепкие руки, я

взялся за веревку и дернул ее что было мочи — вентиль, правда, не открылся, но довольно толстая веревка оборвалась…

Я шлепнулся на пол, держа в руке обрывок, и пролежал так с минуту — до того я был истощен. Когда же я снова мог оглядеться вокруг, я заметил, что мой спутник, вероятно, упав от страха в обморок, лежит на полу, словно покойник, а дог был и совсем мертв…

Мы уже довольно близко подошли к солнцу, и нельзя было выдержать его палящего зноя. Необходимо остановить подъем!.. Я с решительным видом схватил ружье, заряженное мелкой дробью, и поспешно прицелился в шар.

Я спустил курок, но не услышал ни малейшего треска — воздух был слишком редок, однако дробь попала в шар и пробила в нем мелкие дыры, через которые стал медленно просачиваться воздух, — и тогда шар начал спускаться!.. Мы неслись с невероятной быстротой и наконец благополучно добрались до матушки-земли. Здесь мы, к нашему счастью, повисли на финиковой пальме. Съев по нескольку сотен свежих фиников, мы сползли с дерева и вскоре нашли источник, который дал нам воду для питья и умывания. Как обыкновенно бывает после обеда, нам стало очень весело и хотелось спать: едва успев растянуться на мху возле источника, мы заснули глубоким сном, и нас разбудили лишь на следующее утро громкие голоса. К источнику подошел караван арабских купцов с вьючными и верховыми верблюдами, и мы узнали от них, что находимся в одном из оазисов каменистой Аравии и имеем возможность проехаться в Иерусалим. Туда мы прибыли без всяких приключений…

Теперь же у меня от рассказов пересохло во рту, а от воспоминаний о той солнечной жаре явилась жажда; поэтому прошу дать мне еще бутылку вина… или, лучше, две — потому что Вольдемар также не откажется выпить!..

Двадцать первый вечер

Проба сил на большой медной пушке. Новое знакомство и веселая поездка по Рейну на ящике с рыбой, в который было запряжено девятнадцать лаксфорелей.

— Почтенные господа, друзья и приятели! — начал барон при следующей встрече. — Сегодня я явился снова один, так как племянник мой уехал — этого потребовал его брат, — а с ним уехала и моя жена, поэтому я прошу вас отужинать со мной. Я праздную сегодня двадцатипятилетие свадьбы одного друга юности, а так как я — соломенный вдовец, то надеюсь, что вы составите мне компанию и не откажетесь от нового знакомства… Но прежде позвольте прибавить к моему последнему описанию воздушного путешествия, что я еще некоторое время испытывал последствия перенесенной солнечной жары. Мистер Смис из Иерусалима направился в Лондон, а я вернулся в Константинополь, к султану, который стал уже тревожиться по поводу моего внезапного исчезновения. На всех улицах Константинополя оглашали об исчезнувшем бароне Мюнхгаузене, и за предоставление сведений о нем была обещана награда в тысячу золотых монет.

В Константинополе я послал янычара с докладом в аудиенц-зал, что явился господин с известием о пропавшем бароне. Тут же ко мне вышел обрадованный султан, неся мешок с тысячью золотых монет… Из этого вы видите, как высоко ценил меня его высочество.

— Дорогой Мюнхгаузен, — воскликнул султан радостно, — наконец-то вы здесь! Где же вы пропадали?

— Совсем близко от солнца, — правдиво ответил я. Гуляя по парку, я рассказал изумленному султану все подробности и пожаловался ему на испытываемое еще истощение и некоторый упадок сил. Мы стояли в это время у знаменитой большой медной пушки, наверное, величайшей во всем мире, так как она стреляет мраморными ядрами — каждое весом в тысячу сто фунтов, и для ее заряда нужно триста тридцать фунтов пороху

— Мюнхгаузен, — с улыбкой сказал султан, — так вы, конечно, теперь не сможете даже оторвать от земли эту пушку. А?

— Это спорный вопрос, — возразил я, поднимая медное чудовище одной рукой.

— Ну хорошо, это вам удалось, — продолжал султан, — но бьюсь об заклад, что вы не сможете пронести ее на сто шагов.

Я в раздумье глядел на пушку, но когда султан насмешливо воскликнул: «Идет? Вы получите по сто золотых монет за каждые десять шагов, на которые вы пронесете пушку!» — во мне расправили плечи честолюбие и гордость.

— Ладно, ваше величество!

Проворно сняв кафтан и жилет, я поднял обеими руками орудие, уложил его на левое плечо и спустился с ним по откосу.

— Черт возьми! — только и смог произнести султан.

Я лишь молча пожал свободным правым плечом, вошел в море и поплыл.

— Вот это так штука! Только вы долго не выдержите!

— Посмотрим! — возразил я. — Что вы дадите, ваше высочество, если я доплыву до того берега?

— Шестьдесят тысяч двойных червонцев! — крикнул мне вслед султан, а я поплыл дальше и благополучно, правда с трудом переводя дух, добрался до азиатского берега.

Я лежал, собираясь с силами на берегу, когда подошла восемнадцативесельная галера и лейб-паша передал мне, что султан немало удивлен, поздравляет меня и предлагает вчетверо большую награду, если я доставлю пушку на ее старое место. Ну, это было стоящее предложение! За шестьсот тысяч червонцев можно было совершить нечто необыкновенное!.. Я почувствовал в себе прилив свежих сил и, сказав, что султан сейчас получит от меня ответ, схватил гигантскую пушку и лихо швырнул ее на европейский берег… Однако я все-таки переоценил свои возможности. К несчастью, тяжелое орудие рухнуло в море в трехстах шагах от противоположного берега вместе с моими надеждами на кругленькое состояние. Там оно лежит, вероятно, и по сей день…

Разумеется, я уже не отважился показаться в Константинополе, ведь мне наверняка пришлось бы иметь дело с шелковым шнурком. Поэтому я купил у рабочего скромное платье и поспешно бежал на

проплывавшем мимо венецианском корабле. После этого случая я уже не бывал в Турции…

Но вот явилась хозяйка. Ну, что, ужин готов?.. Вот, господа, вам новое знакомство!.. Вы знаете знаменитую лудогу?.. Нет? Ну, так зовется нежная порода рыбы, живущая только в Боденском озере. Двадцать пять лет тому назад был я в Базеле, где один из моих друзей справлял свадьбу. Хозяйка гостиницы, в которой через неделю должен был происходить свадебный пир, жаловалась, что не могла получить лудоги из Констанца, потому что запас этой рыбы там иссяк. Я попросил описать мне эту породу и, хотя никогда не считался любителем рыбной ловли, отправился в Констанц и в три дня наловил целый ящик рыбы. На следующее утро я с ужасом сообразил, что свадьба и свадебный обед должны состояться уже в тот самый день. Надо было поторопиться. Пораскинув мозгами, я уселся на ящик с рыбой, чтобы на нем спуститься по Рейну. По дороге я поймал на удочку еще девятнадцать довольно больших лаксфорелей, запряг их в ящик, который служил мне судном, и затем помчался так быстро, что вся дорога от Констанца на Боденском озере до Базеля заняла лишь два часа и была на редкость приятна. Только при проезде через Рейнский

водопад близ Шаффхаузена и через Лауфенбургские пороги мое судно слишком качало, и я отчасти промок, зато получил признательность гостей за торжественным обедом. Теперь, в память своей серебряной свадьбы, мой друг прислал мне дюжину лудоги и бочонок яблочного вина, вам придется и с ним познакомиться, а кому этот сорт вина не понравится, для тех мой друг прислал корзину шампанского. Выпьемте же, любезные господа, друзья и товарищи, за эту супружескую чету, за наше здоровье и вместе за утехи общества и за безусловную правдивость каждого рассказчика…

Двадцать второй вечер

Опасный спуск с горы и невредимое дитя в ядре снежной лавины.

— А что, Мюнхгаузен, — спросил лесничий вечером накануне отъезда барона в Швейцарию, — разве вы никогда раньше не бывали в Швейцарии?

— Как же! — возразил барон. — Бывал, и довольно часто! В этом чудном уголке земного шара, в восхитительной Швейцарии мне знакома каждая пешеходная тропинка. И так как мы долго не увидимся, то я хочу поблагодарить вас за внимание, с каким вы всегда выслушивали мои простые истории, и на прощанье расскажу, что случилось когда-то с пятилетним сыном моего друга Бастиана Треймана, когда я с ним и еще с одиннадцатью спутниками во время первого моего приезда в Швейцарию взобрался на неприступную дотоле Юнгфрау… Мы с большим трудом добирались до высочайшего пика, так как Бастиан взял с собой своего маленького сына, который стал для нас большой обузой. У швейцарских охотников за сернами и горных проводников принято брать с собой в горы совсем маленьких детей, лишь только они научатся ходить, чтобы те смолоду приучались к восхождениям.

Маленький Бастель совершал в тот раз свое первое путешествие по горам, и поэтому уже спустя полчаса карапуз не мог поспевать за нами. Проводники договорились поочередно нести ребенка на руках: их было двенадцать человек, и особого труда это не составляло бы. Но каждый из них хотел быть первым, и они всерьез поссорились из-за этого. Я положил конец спору и посадил ребенка к себе на спину, а его ноги засунул в карманы жилета. Так мы тронулись дальше. Все шло превосходно, мальчик радовался новому способу верховой езды, а мне сперва стало лишь несколько жарковато; пот лился с меня ручьями. Но чем выше мы поднимались, тем становилось холоднее, и в конце концов Бастель крепко примерз к моей спине, словно сросся со мной. Так мы поднимались два дня и две ночи, прорубая ступени в гладких ледяных стенах. Но когда наша компания добралась до вершины, перед нами открылся восхитительный вид. Однако мой маленький

всадник примерз ко мне уже так крепко, что его пришлось отделять от меня ножом. Когда мальчика поставили на его собственные ноги, оказалось, что он отсидел их и теперь мог лишь неуверенно ковылять из стороны в сторону. Но вдруг он поскользнулся, и пока из наших тринадцати глоток вырвался громкий крик ужаса, мальчик с быстротой ветра скатился по крутому спуску. При каждом обороте вокруг его тела налипал слой снега, и скоро мы видели лишь катившийся между Зильбергорном и Шнеегорном колоссальных размеров снежный ком, который мы едва могли различить в подзорные трубы. Наконец этот исполинский снежок исчез в страшной бездне Трюмлетской долины, куда не ступала еще нога человека!..

Мы стояли, оцепенев от ужаса, пока отец мальчика, Бастиан, и я не крикнули одновременно: «За ним!..» Наши спутники стали возражать против отчаянной попытки скатиться с высоты тринадцати тысяч футов. Но мы не позволили отговорить себя от этого намерения. Мы привязались друг к другу веревками и с Богом двинулись вперед, то есть вниз. Я не буду останавливаться на подробностях этого отчаянного спуска. Он был ужасен!

Час спустя мы были внизу, изрядно побитые, но живые и с целыми костями, и увидели, что гигантский снежный ком с его

человеческим ядром повис на сухих сучьях засохшего дерева!.. К счастью, у Бастиана был еще при себе топор, которым он прорубал во льду ступени… Мы с большим трудом повалили громадное толстое дерево, а когда оно упало, принялись за снежный ком. Бесчисленное множество слоев снега, которые мы отделяли один за другим, окружали ком, словно листы капусты. Мы начинали уже сомневаться, возможно ли будет спасти мальчика… Наконец, после нескольких часов работы, ребенок слабо вскрикнул и вылез из своей оболочки, защитившей его во время ужасного падения. Вы, должно быть, представляете радость отца, Бастиана, господа! Это было поистине трогательно! Бастель чудом остался цел и невредим, но когда с него сняли эту теплую снежную шубку, он оказался совершенно окоченевшим от холода. Мы отнесли его домой, и маленький Бастель пролежал в постели четырнадцать дней, прежде чем успел совершенно оттаять!.. Мы поддерживали его жизнь горячим козьим молоком, которое вливали в него каждые два часа; он все время спал и в бреду расхваливал своего, как он выражался, ангельского спасителя… Я сердечно буду рад увидеть теперь, спустя столько лет, мальчика взрослым мужчиной и прижать к своей груди…

Двадцать третий вечер

Барон Мюнхгаузен рассказывает о своих приключениях в Америке. Поездка по железной дороге; о буре и вихре. Странный завтрак за пять тысяч рублей. Медведь на смотре войск.

Почти через год после этого последнего вечера барон Мюнхгаузен, который провел все это время в путешествиях и вернулся на родину только накануне, неожиданно вошел в ту комнату гостиницы, где он так часто рассказывал о своих приключениях. Его встретили бурные приветствия всех собравшихся, и его закидали вопросами: как ему жилось, что он повидал, где был так долго и откуда приехал теперь?

— Любезные господа, друзья и товарищи! — начал барон, улыбаясь. — Когда тебя закидывают дюжиной вопросов, словно ты сидишь под грушевым деревом, когда с него сбивают спелые плоды, то приходится выбирать какой-нибудь один из них, иначе не знаешь, с чего начать и чем закончить!.. Поэтому я расскажу сперва, откуда я приехал! Не испугайтесь, если услышите: из страны индейцев — из Америки! Очевидно, вы этого не знали, как я вижу по вашим удивленным лицам…

Да, господа, я приехал из Америки, которую за последний год исколесил вдоль и поперек, пока моя жена жила в Париже у своей тетки, герцогини Бле.

Америка!.. Это непонятная, волшебная страна!.. Хотел бы я побывать там до того, как о ней узнала Европа, когда этот материк находился еще в совершенно первобытном состоянии. Теперь прогресс и цивилизация шагают там такими темпами, что простой человек из Старого Света едва в силах поверить тому, что видит вокруг себя. На освоенной территории проложены такие дороги, по сторонам которых справа и слева лежат два бесконечно длинных железных бруска, и по ним мчатся, движимые лишь силой пара, сцепленные в ряд фургоны! Это называется: железные дороги, и они поражают небывалой скоростью. Через каждые пять или десять английских миль устроены

места для остановки, так называемые станции, которые подчинены маленькому царьку, носящему имя начальника станции…

Однажды такой железнодорожный поезд остановился у какой-то станции. Я хотел войти в него и уже стоял в дверях вагона, когда начальник станции, по каким-то ему одному известным соображениям, стал тащить меня назад, утверждая, что я должен ехать в другом вагоне, предназначенном для перевозки негров, — черных африканцев, которые служат там лакеями. Слово за слово. Наконец начальник станции перешел все мыслимые и немыслимые пределы грубости, и я размахнулся, намереваясь дать ему настоящую немецкую пощечину. В этот момент паровой конь свистнул, и поезд помчался с такой бешеной скоростью, что когда поднятая для удара рука моя опустилась, мы находились уже на следующей станции, на четырнадцать верст дальше, и моя пощечина досталась ни в чем не повинному начальнику этой станции, который стоял на платформе. Это оказался мирный, вполне порядочный человек, и мне пришлось просить у него извинения, что всегда бывает очень неприятно, и в Америке так же, как в Германии. В других отношениях там, за морем, многое, конечно, иное — люди, животные и даже стихии. О силе и мощи американских бурь, например, здесь нельзя иметь даже отдаленного представления.

В штате Иллинойс, в Северной Америке, на берегу реки Чикаго, изливающейся в озеро Мичиган, я навестил одного друга юности, который переселился сюда двадцать лет назад и основал здесь большую ферму. Однако дела его шли не слишком хорошо. И вот как-то раз разразилась страшная буря, сорвавшая все бревенчатые дома и крутившая в воздухе самые большие деревья, словно пух. Вихрь, разумеется, подхватил моментально и нас, и человек десять рабов-негров, да около сорока индейцев, и мы успели только заметить, как из земли вырвало два каменных колодца.

Когда мы опустились на землю в пустынной местности, милях в десяти дальше на запад, оказалось, что рядом с нами лежат, отделавшись лишь легким испугом, все наши спутники. Вокруг также валялись аккуратно перенесенные ураганом и отдельные части домов. Ошеломленные рабы и рабочие-индейцы тотчас сложили новые дома, и спустя шесть дней была готова новая ферма. Но самое необычное случилось с обоими колодцами: представьте себе, любезные друзья и

товарищи, вырвав из земли эти каменные колодцы, ветер принес их на новое место без всякого повреждения и снова вбил в землю.

Мы остолбенели от этого чуда, и когда я, повинуясь непреодолимому влечению, подошел ближе и качнул рукоятку сперва одного, а потом и второго колодца, из обоих полилась полная, густая струя.

— Эй, Мюнхгаузен, — крикнул мой друг. — Что это такое? Колодцы стали как раз над источником?

Но я отскочил назад, потому что жидкость, которая текла из них, была не водой, а горным маслом — нефтью. О подземных нефтяных источниках не имели до тех пор никакого понятия, — и прежде чем я покинул спустя полгода Америку, я получил в Нью-Йорке письмо от моего друга, сообщавшего мне, что спрос на нефть сильно увеличился, его колодцы работают день и ночь, и он вскоре будет миллионером. В этом случае оказалась неверной старинная пословица: «На ветер надеяться — без помола быть!..»

Впрочем, ураганы большей частью возникают на юге, точнее в Центральной Америке. Однажды я пережил почти такую же сильную бурю в Вест-Индии, на острове Кубе, где растут самые лучшие сигары. Мой друг Брандизе (по-русски — Дождевой червь), когда началась

буря с дождем, хотел перебежать на свою фабрику, но едва он ступил за дверь, его тотчас же закружил вихрь и в то же время расстегнул сверху донизу непромокаемый плащ. Когда же он быстро повернулся от страха и изумления, тот же вихрь снова застегнул ему плащ, но сорвал и унес его шляпу… Вы сами видите, что эта чудесная история должна быть правдива, как ни кажется она невероятной; в противном случае, как же могла бы она случиться?..

Впрочем, в Америке любят также и всевозможные шутки. Однажды, сидя в ресторане, в Филадельфии, я наблюдал за игрой в карты двух мужчин, мистера Кольвина и мистера Станхопа, игравших на такой завтрак, которого еще никогда не бывало. Мистер Станхоп проиграл и вечером, в Жокей-клубе, сообщил своему приятелю, что завтрак будет сервирован на следующий день, на высоте шести-семи тысяч футов над землей, и пригласил также меня. Утром я зашел за мистером Кольвином, и мы в назначенное время явились на условленное место, где нас уже ждал мистер Станхоп с готовым к подъему воздушным шаром. Его кухарка несла маленькую переносную кухню и, когда мы уселись, подала ее своему барину. Мы трое и воздухоплаватель уже сидели на своих местах, когда Станхоп попросил кухарку помочь ему поставить кухню. В тот момент, когда девушка поднялась в корзину, по знаку Станхопа отдали канаты. Шар с быстротой молнии поднялся на воздух. Кухарка завизжала не своим голосом, а ее барин хладнокровно произнес:

— Сделайте нам четыре хороших бифштекса, но смотрите, не зароните искры, а не то мы взорвемся!

Кухарка, дрожа, повиновалась… Бифштекс был очень нежен, а взятое шампанское отличалось превосходным вкусом. В конце нашего путешествия Станхоп сказал:

— Ну, вы позавтракали на высоте две тысячи метров, и завтрак на каждую персону обошелся мне более полутора тысяч рублей. Подъем на воздушном шаре стоит мне три тысячи рублей, а кухарке за пережитый ею ужас я даю две тысячи рублей, — довольны вы, мистер?

Разумеется, тот ответил утвердительно при нашем искреннем хохоте; а теперь спокойной ночи, господа, в следующий раз расскажу больше!

С этими словами барон Мюнхгаузен закрыл за собой дверь, и слушатели, пораженные его поспешным уходом, с сожалением прислушивались к шуму его быстрых шагов.

Однако вскоре он вернулся назад и с досадой сказал за дверью:

— А ведь я опять забыл, — и снова вошел в комнату. — Извините, почтенные господа, друзья и товарищи! Уже двадцать раз я собирался спросить вас, помните ли вы еще генерала Скрбуданского, о котором я как-то рассказывал вам?.. Я познакомился с ним в Варшаве, во время моего первого путешествия в Петербург, и он поразил меня своей серебряной пластинкой в черепе, которую он поднимал во время попоек, чтобы выпустить винные пары. По вашим дружеским кивкам я полагаю, что все вы хорошо помните его. Ну, я должен еще рассказать вам, какого странного заместителя имел однажды этот генерал. — И, подойдя к столу, за которым сидело все общество, барон, торопясь, продолжал рассказ стоя: — В то время, перед началом русско-турецкой войны, Скрбуданский также заявил о своем желании поступить на службу и получить начальство над крупной частью. Его отряд расположился на самой турецкой границе, в маленьком городке. Я с моими гусарами стоял в соседней деревне. Однажды, рано утром, я встретил крестьянина, ехавшего в лес, чтобы привезти оттуда несколько мешков кедровых орехов. Так как мой отряд был на отдыхе, то я решил проводить крестьянина и поехал вместе с ним.

Мы набрали видимо-невидимо кедровых орехов, которые, впрочем, не в моем вкусе. Конечно, для сбора орехов нам пришлось походить по лесу, затем мы стали носить орехи к телеге и высыпать в мешки. И вот, когда все мешки были почти наполнены, мы услышали странное ворчанье и, взглянув в ту сторону, увидели громадного медведя, который уже почуял запах орехов, до которых медведи большие охотники, и, не церемонясь, влез на телегу. Михайло Иваныч сунул лапу в ближайший мешок и напихал полную пасть орехов.

Крестьянин разинул рот, выпучил глаза и стал почесывать у себя в затылке.

— Черт возьми! — горько сожалел я. — Как это я оставил в телеге ружье!

Медведь сидел возле самого ружья и спокойно, закатывая от удовольствия глаза, потянул вторую пригоршню орехов.

Крестьянин, онемевший от ужаса, вскоре пришел в себя, крикнул лошади по-валашски: «Но! Но!» — и та пустилась вскачь. Медведь, которому не понравилась такая непривычная тряска, стал страшно реветь.

Это было, разумеется, наилучшим средством поддать жару бедной лошади, и когда она добежала до гладкой большой дороги, то помчалась с медведем, стоявшим в телеге на задних лапах и ревевшим во все горло, прямо в лагерь. А в то утро войска ждали на смотр генерала Скрбуданского и стояли уже при полном параде. Из соседнего города съехались власти и сотни зрителей, и все — пехота и конница, стрелки, саперы и пушки — выстроились в ряд.

Тут на дороге поднялось облако пыли. Все трубачи поднесли к губам свои инструменты. Знаменосцы стояли наготове, а облако пыли все приближалось, и когда до войск донесся уже шум колес, командующий крикнул: «Это генерал!» и подал сигнал. Оркестр грянул русский народный гимн, всколыхнулись знамена и штандарты, и тысячи голосов крикнули: «Ура! Да здравствует его превосходительство генерал Скрбуданский! Ура! Ура! Ура!»

И среди этого общего ликования бегущая лошадь падает со всех ног наземь… На телеге, между наполненных до половины мешков, стоит ревущий медведь, страшно озираясь вокруг.

Мы с крестьянином что было сил бежали за телегой. Само собой разумеется, крестьянин скоро отстал. Когда я, совершенно запыхавшись от быстрого бега, догнал телегу как раз в тот момент, когда она остановилась, и схватился одной рукой за куцый хвост Мишки, чей-то отдельный голос крикнул еще раз:

— Ура его превосходительству генералу!

Тут я так сильно дернул торжественно принятого гостя, что он вылетел из телеги и ударился о землю, переломав себе все ребра и череп.

Музыка умолкла, крики «ура!» — тоже, и командующий нарушил наступившую тишину восклицанием:

— Однако, барон Мюнхгаузен, ведь это — вовсе не его превосходительство генерал Скрбуданский!

— Никак нет-с, генерал! Это — медведь с кедровыми орехами!..

Когда смолкли хохот и шутливые замечания слушателей, барон, поворачиваясь к двери, закончил, сопровождая свои слова

торжественным поклоном:

— Насколько мне известно, из медведя, за его дерзкую попытку выдать себя за его превосходительство, сделали чучело, и его можно еще видеть в Киеве. Если кто-нибудь из вас попадет туда, то вы найдете его в тамошнем зоологическом музее…

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru

Оставить отзыв о книге

Все книги автора